Ухожу от тебя замуж

Автор:
Мария Воронова

Ухожу от тебя замуж

Мария Владимировна Воронова

Большая любовь. Романы М. Вороновой

В семье Виктора Стрельникова горе: трагически погибает жена, оставив двух маленьких детей. В это тяжелое время не до старых счетов, и первая жена Виктора, Александра, приходит на помощь. Двадцать пять лет она была счастливой матерью семейства, пока не узнала об изменах мужа, и теперь понимает, что после развода им так и не удалось стать чужими. Она так привязывается к детям мужа, что считает их своими и готова даже снова выйти замуж за своего бывшего, содержать в чистоте и уюте его дом, терпеть издевательства вздорной свекрови, бесконечных любовниц Виктора – только чтобы дети, которых родила Стрельникову другая, были всегда с ней…

Мария Воронова

Ухожу от тебя замуж

© Воронова М., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Серым пеплом, синей сажей

Вымарала жизнь

Все, что нам казалось важным,

Все, чем мы клялись.

К. Кинчев

Александра выпрямилась и отряхнула руки. Теперь ряд розовых кустов (она называла их «моя шпалера», хотя не была уверена, что правильно употребляет это слово) выглядит безупречно, ни один сорняк не оскверняет благородную прелесть роз. Александра огляделась, наметила себе план работ на завтра: немножко подкосить, поработать с альпийской горкой, пригладить газон… Еще пару лет назад, когда строительство дачи подходило к концу, Александра с ужасом думала, что придется заниматься «вот этим вот всем», и искала предлог, чтобы избежать «садовой каторги», но, раз попробовав, втянулась и теперь посвящала даче все свободное время, и цветы откликались на заботу, росли пышно, будто на юге. За домом стыдливо прятался парник с огурцами и несколько грядок. Почему-то в огородничестве успехи Александры были значительно скромнее, огурцы еле-еле плодоносили, морковка вообще не хотела расти, а грядку с укропом облюбовал соседский кот и устроил на ней себе лежанку, так что на фоне чахлых кустиков четко обозначился контур его тела. Александре было самой смешно, что она из-за этого расстраивается, но ничего не поделаешь: в каждом возрасте свои интересы. Наверное, когда угасает собственная плодовитость, хочется прильнуть к вечному плодородию земли и насытиться силой, которой в тебе осталось совсем мало.

Она зажмурилась и подставила лицо ласковым лучам закатного солнца. Почему-то совсем не хотелось грустить, что молодость прошла. Улыбнувшись ясному и теплому вечеру и медленно проплывающему облаку, похожему на летающую тарелку, Александра вернулась в дом.

В семье родителей существовал милый обычай: после обеда ждали, пока жена или дочь сначала вымоет посуду, а потом уж все вместе пили чай, обстоятельно, с разговорами, в приятном сознании, что на сегодня все дела завершены и спешить никуда не нужно.

В замужестве Александре пришлось об этом обычае забыть: муж Виктор был слишком занят и не мог «сто лет ждать, пока ему подадут чай, а потом еще сто лет распивать его», обычно он, поев, брал чашку и уходил к своим книгам. Что ж, Александра это приняла. Витя – хирург. Ему необходимо совершенствоваться в профессии каждую секунду, ведь на кону человеческая жизнь! Но с другой стороны, и отец не лодырь, все же вплоть до первых перестроечных лет работал секретарем горкома партии (а это большая должность при советской власти), однако находил время для семьи. Вот и результат: папа с мамой до сих пор вместе, а Александра с Витей развелись.

…Стол накрыли на большой веранде. Александра до сих пор с удовольствием вспоминала, сколько споров и скандалов пришлось выдержать со строителями, которые утверждали, что французские окна – это невозможно. У них вообще любые пожелания заказчика сразу относились в разряд «невозможно», как и прямые углы, и соблюдение сроков, и прибрать после себя. И все же у Александры каким-то чудом получилось сломить их сопротивление, и веранда вышла в точности такая, как она хотела, большая, светлая и легкая. Александра любила тут работать, особенно в дождь, когда капли стучат по стеклу и вода струится по лабиринту решетчатых окон.

В ожидании чая папа смотрел маленький телевизор, почему-то музыкальный канал.

Увидев, что вошла дочь, он сразу щелкнул пультом.

– Вот уж не знала, что ты интересуешься роком, – улыбнулась Александра, садясь к столу и принимая у мамы чашку.

– Да ни в жизнь! – покачал головой папа. – Просто смотрю, что такого есть в этих охламонах патлатых, что из-за них такая страна развалилась!

Женщины переглянулись, и Александра вдруг остро, до дрожи почувствовала, как счастлива. Родители живы и хоть постарели, но душой остались совсем такими же, как в те годы, когда она была ребенком, и любовь их не угасла, а может быть, наоборот, – любовь не дает угаснуть им самим. У мамы фигура как у девушки, и вся она быстрая, ловкая, несмотря на возраст, а отец хоть и пополнел, обзавелся внушительным животиком, но плечи его все еще широки и держится он прямо, а седые волосы лежат красивой волной. И она, сама уже

бабушка, все еще может обнять своих родителей, поплакаться им, и они пожалеют, совсем как в детстве.

Может быть, не нужно было разводиться с Витей? Перетерпеть, простить, и как знать, вдруг с годами они стали бы так же близки и счастливы, как папа с мамой? Не бывает любви без ошибок и обид, так же как и цветы не растут без подкормки навозом. «Да, но важна концентрация, – тут же возразила себе искушенный садовод Александра. – Если без конца гадить под розовый куст, ничего хорошего не жди».

У папы был сверхъестественный дар угадывать, о чем думает дочь, он так часто говорил впопад ее мыслям, что Александру это даже пугало.

– Дача у тебя просто роскошная! – развел руками он, обозначая большое пространство. – Знаешь, иногда мне даже неловко наслаждаться тут комфортом, когда я вспоминаю, как ты ободрала своего мужа при разводе.

– Поезжай в город тогда, а дочь нечего стыдить! – вступилась мама.

– Да я не стыжу, – попытался оправдаться папа, – просто странно, что ты с ним ничем не поделилась. Ты у меня глубоко порядочная девочка, и Виктор был тебе хорошим мужем…

– Да, неплохим, – усмехнулась Александра. – И не только мне, а и всем своим мало-мальски симпатичным коллегам.

– Что теперь об этом говорить? – Мама протянула руку через стол и погладила Александру по плечу. – Надо жить дальше.

– Папа, я не для себя старалась, а для Кати. Я знаю, ты любил своего зятя, но, надеюсь, внучку ты любишь больше и хотел бы, чтобы на этой даче жила она со своими детьми, а не Витины ублюдки.

– Ладно, ладно, – окончательно пошел на попятную папа. – И все же я иногда скучаю по нашим вечерам, когда этот дом еще строился, а мы все вместе жили в старом, и помнишь, ставили стол под яблонями, Витин отец жарил шашлыки… Так хорошо проводили время, я прямо жалею, что нельзя их теперь сюда

пригласить!

– Расслабься, пап, они тебя ненавидели!

– Да ну! – отмахнулся папа. – Не наговаривай! Они всегда были так милы с нами.

Александра улыбнулась: несмотря на то что папа всю жизнь работал партийным функционером, всегда думал о людях хорошо, пока не доказано обратное.

– Насчет отца не уверена, а мамаша ненавидит тебя просто люто.

Отец пожал плечами:

– Что ж… Научная и творческая интеллигенция жить не могут без фиги в кармане. А я был уверен, что мы – одна большая дружная семья.

– Ну да, – сказала Александра кисло.

– А ты, мамуля! – Отец повернулся к жене. – Тоже думала, что они нас любят?

– Стерва, она и есть стерва, – туманно ответила мама.

Папа сказал, что новость эта его удивила и расстроила, чем смутил Александру. К счастью, чай уже допили и можно было встать из-за стола.

Александра накинула куртку и отправилась к старым яблоням, как раз к тому месту, где Витин отец когда-то жарил шашлыки. От его кулинарных занятий на земле осталась выгоревшая плешь, которая никак не хотела затягиваться травкой, и Александра поминала свекра недобрым словом всякий раз, глядя на нее.

Она помахала рукой с зажатым в ней телефоном – на даче мобильный Интернет ловился плохо, то очень медленно, то совсем пропадал, и тут находилась одна из относительно стабильных точек приема, вычисленная опытным путем.

Интересно, почему папа так искренне удивляется, что Витина мамаша его ненавидит? Забыл, что сделал четверть века назад?

Александра мысленно перенеслась в те времена, когда чувство к красивому однокласснику Вите Стрельникову испепеляло ее сердце. Как была счастлива, когда он первый раз поцеловал ее, и несколько месяцев потом, пока они тайно встречались, и в какое бескрайнее отчаяние впала, когда Витя ее бросил. Наверное, она докатилась бы до настоящей депрессии, но тут возлюбленный вернулся и предложил стать его женой, и Александра снова вознеслась на вершину неземного, прямо-таки космического блаженства.

И этого блаженства хватило на двадцать лет брака. Только перед самым разводом свекровь выпустила парфянскую стрелу: призналась, что отец Александры приходил к ним в дом и угрожал, что если Витя не женится на его дочери, то никогда, ни при каких обстоятельствах не поступит в институт, и они сами, горе-родители, воспитавшие безответственного сына, тоже не будут жить так спокойно и безмятежно, как жили до сих пор. Возможности испортить людям существование у секретаря горкома партии имелись в избытке.

Можно сказать, что Стрельниковы сами виноваты, зачем поддались на шантаж. Можно считать папу душителем свободы и негодяем, а можно – заботливым отцом, который защищает обманутую дочь всеми имеющимися у него средствами. По-разному можно думать, но с любой точки зрения следует признать, что у Стрельниковых имелись веские причины недолюбливать свата, и непонятно, почему папа удивляется. Наверное, мы все гораздо быстрее забываем оскорбления, которые наносим сами, чем те, что наносят нам.

С другой стороны, если бы Витины родители не были бы так любезны, папа не удивлялся бы теперь. А если бы она сама простила Виктору измены, то тоже была бы с ним любезна. Тоже делала бы счастливый вид, и муж быстро бы все забыл и считал, что она счастлива с ним, в то время как обида бы ее грызла и сушила.

Александра посмотрела на экран телефона: новых сообщений нет. Не удержалась, открыла свою переписку со Всеволодом Мешковым и пролистала. Они расстались уже несколько месяцев назад, а она все не может набраться духа и удалить диалог. И номер телефона удалить тоже не может.

Переписка автора детских книг с известным рок-музыкантом и поэтом не блистала литературными изысками. Море разных стикеров, причем Александра предпочитала цаплю, а Мешков налегал на рыжего кота, хотя сам был высок, сухощав и давно седой, с редкими вкраплениями «норм», «нормик», «нормалды» и еще нескольких хайповых молодежных словечек. Александра специально просила Всеволода не писать ей ничего чувственного и страстного, ибо он признанный мастер слова, а особенно любовной лирики, и от этого ей бывает трудно поверить в его искренность. А вот «спс» вместо «спасибо» и стикер с котом – другое дело.

Когда расстались, Мешков написал песню, в которой были слова «любовь-закат, любовь-восход». Несмотря на явный намек на их преклонный возраст, общий тон у песни был бодрый и молодежный, и в последнем куплете Мешков желал своей возлюбленной всяческого счастья, поэтому Александра слушала ее с грустью и с благодарностью за чудесное время, которое они провели вместе.

Как было бы хорошо, если бы Всеволод мог сейчас оказаться рядом! Интересно, что бы сказал папа, считавший Мешкова безусловным предводителем патлатых охламонов, развалиших страну. Даже можно сказать, что он возлагает на бедного рокера персональную ответственность за гибель империи.

Всеволод – человек мирный и, как истинный творец, обладает диалектическим мышлением, но от коммунистов в свое время сильно натерпелся… В общем, хорошо, что родители не знают, с кем встречалась их дочь после развода.

Телефон неожиданно громко зазвонил в руке, и сердце на секунду замерло: а вдруг Всеволод почувствовал, что сейчас она мечтает о нем? Нет, это оказался всего лишь бывший муж.

Александре не хотелось отвечать, но дочь Катя жаловалась, что папа совсем не интересуется ни ею, ни недавно родившимся внуком.

Вдруг Витя понял, что нельзя пренебрегать дочерью, даже если ты обзавелся новыми детьми на стороне, и хочет наладить отношения? В таком случае нельзя проигнорировать его звонок.

– Саша, – сказал муж сухо, – у нас несчастье. Инга погибла.

– Боже! – вырвалось у Александры, а потом она сразу растерялась и не знала, что сказать дальше.

– Да, убита на улице во время пробежки.

– Сочувствую, – со всей своей неподдельной искренностью проговорила Александра. – Тебе нужна помощь?

– Да, Сашенька. Завтра похороны, а детей оставить не с кем. Ты не могла бы с ними посидеть?

Александра согласилась без колебаний.

Бывая в Петергофе, Александра порой заглядывалась на этот старый дом, будто сошедший с картинки к старым немецким сказкам. Немножко сумбурной, будто случайной архитектуры, белый, с перекрещенными балками и зеленой крышей, дом притягивал взгляд, и Александра иногда гадала, какие люди в нем обитают, но никак не думала, что там живет женщина, к которой в один прекрасный день уйдет ее муж.

Она дотронулась до калитки в простом заборе из посеревших от времени досок, та открылась, и Александра нерешительно вошла во двор. Тут вдоль дорожки из гравия вольно росла трава, и по периметру свободно и пышно раскинулся шиповник, на котором яркие круглобокие плоды чередовались с еще не облетевшими розовыми цветами. Посреди двора стояли качели, к стене дома прислонился велосипед, и рядом в траве Александра приметила мячик и кузов пожарной машинки.

Тяжело думать, что еще несколько дней назад здесь играли и смеялись дети, а сейчас дом будто замер и застыл от внезапно обрушившегося на семью горя. Александра зябко повела плечами и остановилась в растерянности, но тут дверь открылась, и бывший муж медленно вышел к ней. Кажется, он осунулся от горя, но Александра давно не видела его. Может быть, просто прошло время.

– Сашенька, спасибо, что пришла. – Он сделал шаг к бывшей жене, желая обнять, но она быстро отступила.

– Ну что ты, не чужие же, – улыбнулся Виктор и все же ласково провел рукой по ее плечу.

– Пока ехала к тебе, я подумала, что старший мальчик уже большой, – сказала Александра сухо. – Сколько ему, лет двенадцать?

– Точно.

– Думаю, ты должен его взять с собой.

– Саш, ну зачем? Там будет панихида, прощание, речи, потом церковь, а про поминки я уже вообще не говорю. Сама знаешь, что там бывает. Зачем ему лишние страдания?

– И все же будет неправильно, если он останется с посторонней теткой. Мне нетрудно посидеть, только, Витя, боюсь, он тебе это не простит, когда вырастет. На поминках ему правда делать нечего, но проводить мать в последний путь он должен.

Виктор нахмурился. Александра вспомнила, что у него всегда делалось такое выражение лица, когда она пыталась настоять на своем, после того как он уже ясно дал понять, что не согласен. По привычке она чуть было не уступила, но вспомнила, что больше не жена Виктору, и это придало ей храбрости.

– Хорошо, давай спросим у Гриши, пусть он сам решит. Позови его сюда.

Мальчик появился быстро, будто стоял за дверью. Александра всякий раз поражалась сходству отца и сына, думая, что пройдет еще пара лет, и Гриша станет в точности таким, как Витя, когда она увидела его впервые. Но сегодня это сходство почти не ощущалось, так заплакано и бледно было лицо ребенка.

Гриша нашел в себе силы вежливо поздороваться с ней, и у Александры сердце заныло от этого недетского самообладания.

– Послушай, милый, как ты считаешь, ты… – Александра на секунду запнулась, подбирая слова, – ты должен пойти с отцом?

– Да, я должен пойти.

– Тогда собирайся. Помочь тебе с одеждой?

– Нет, я сам! Я быстро!

Гриша убежал. Витя наконец пригласил ее в дом, показал комнату, где спал маленький Витя, ванную, кухню и гостиную. Там за столом сидела бывшая свекровь. Увидев Александру, она выпрямилась, поджала губы и сдержанно поздоровалась с бывшей невесткой.

По наряду старой дамы сразу становилось ясно, куда она идет. Платье глубокого черного цвета, на шее траурный кружевной шарф, надетый как бы не для красоты, а чтобы прикрыть голову в церкви, на ногах черные балетки, и даже сумочка, стоящая на подоконнике, имела явно траурный вид. И все же, облачившись в одежды скорби, мадам не забыла нанести легкий макияж.

Александра невольно поморщилась. От столь сугубого исполнения традиций веяло дурным вкусом, да и вообще Витя был женат на Инге чуть больше года, вряд ли свекровь успела привязаться к ней так, как хочет показать своими одеяниями.

«Надо распорядиться, чтобы она не вздумала, если что, прийти на мои похороны», – подумала Александра.

– Гриша едет с нами, мама, – сказал Витя. – Сашенька считает, что это ему необходимо.

– Что ж, Сашенька у нас не может секунды прожить, чтобы не установить свои порядки, – поджала губки свекровь. – А каково это будет ребенку, она, конечно, не подумала.

– А каково ему будет всю остальную жизнь грызть себя, что не простился с матерью? – вспыхнула Александра. Сейчас она сражалась не за себя, а за другого, и потому была сильна и убедительна.

– Тише, дорогая, тише! – сморщилась бывшая свекровь. – Как ты все же любишь выставлять нас какими-то монстрами!

Александра промолчала. Она понимала, почему свекровь недовольна. О Грише надо будет заботиться, жалеть его и утешать, особенно когда он увидит мать в гробу. Даже взрослому тяжело выдержать такое, что уж говорить о ребенке!

Родные все время должны быть рядом с ним, и у свекрови уже не получится горевать с комфортом и напоказ. Все сочувствие будет обращено к Грише, на ее долю останется совсем мало.

Гриша спустился к ним, одетый в темно-серый костюм, наверное, школьную форму. Александра поймала его растерянный взгляд и подошла к мальчику. Поправила воротничок рубашки, узел галстучка, а волосы приглаживать не стала, испугавшись, что Грише будет неприятна ласка посторонней тетки.

– Держись, милый, – сказала она тихо. – Я понимаю, как тебе тяжело, но ты держись.

Вышло глупо, и Александра отошла, злясь на себя, что не может ободрить и успокоить ребенка.

Тут Виктор увидел в окно подъехавшее такси, и все вышли на улицу. Улучив момент, Александра подошла к бывшему мужу и шепнула, чтобы обнял сына и приласкал. Тот нетерпеливо дернул плечом, но сел в машину рядом с Гришей и притянул его к себе.

Прощаясь, свекровь улыбнулась Александре:

– Приятно было тебя повидать, дорогая. Неплохо выглядишь, хотя не могу не заметить, что после развода ты сильно опростилась. Подумай об этом и возьми себя в руки.

Александра поблагодарила за совет, помогла свекрови усесться и стояла возле калитки, пока такси не повернуло за угол. Только после этого она вернулась в дом.

Маленький Витя все еще спал в своей кроватке. Александра хотела посидеть возле него, но вид наспех прибранной широкой супружеской постели действовал угнетающе. Она вышла в холл, оставив дверь открытой, и нерешительно остановилась возле старой крутой лестницы, ведущей на второй этаж. Уезжая, Витя ничего ей не показал: где одежда малыша, где памперсы и все остальное. Надо искать самой, но Александре почему-то стало стыдно и неловко. Дом, таинственный и мрачный, будто знал, что она тут чужая, самозванка, откликался на ее присутствие скрипом половиц, не пускал в окна солнечный свет и, казалось, смотрел на нее с укором сквозь зеркала, занавешенные сейчас по обычаю кисеей.

Здесь жила и была счастлива молодая женщина. Всего пять дней назад она беззаботно выбежала за порог, не простившись с родными и не думая, что ей суждено переступить другой порог. И теперь эта женщина никогда уже не вернется домой…

Сквозь открытую дверь в гостиную Александра увидела большой фотопортрет Инги, стоящий на высоком старинном комоде. Угол, как положено, был перетянут черной лентой, а впереди фотографии рюмка, накрытая куском хлеба. Александра поморщилась – зачем это здесь, если поминки не дома, а в ресторане?

Она подошла ближе и вгляделась в лицо Инги. Красивая женщина с нежным и тонким лицом улыбается, глядя в объектив. Кто фотографировал ее? Кто вызвал в глазах свет радости? Сын? Муж?

Александра перевела взгляд на другую фотографию, наверное, поставленную на книжную полку еще самой хозяйкой. На небольшом снимке была изображена вся семья. На фоне дома стояли рядышком Виктор с Ингой, впереди них Гриша. Инга положила руки на плечи сыну, Витя одной рукой приобнимал жену, а в другой держал малыша. На губах Инги играла улыбка победительницы. Она будто говорила всему миру и себе самой: «Я счастлива! Приз достался мне!»

По странному совпадению у Александры дома было почти такое же семейное фото с Виктором и Катей, почти в таких же позах, и до развода она тоже держала ту фотографию на книжной полке.

Как странно быть в доме женщины, к которой Витя уходил вечерами, пока она считала себя счастливой женой… В доме женщины, которая много лет была рядом с твоим мужем и даже родила ему сына, а ты и не подозревала о ее существовании, думая, что поздние возвращения необходимы по работе.

Александра вздохнула. Она хотела второго ребенка, но Витя отговаривался, мол, у нас есть Катя, давай ее любить. Оказалось, настоящая причина в том, что второй ребенок у него уже был…

Больше десятка лет Александра прожила в счастливом неведении, а как Инга справлялась все это время с трудной долей матери-одиночки и любовницы женатого мужчины? Ненавидела старую жену, с которой любовник никак не разводится? Проклинала ее, ненавидела? Или чувствовала себя виноватой?

Александра старалась на Ингу не злиться. У Виктора, как выяснилось, было много любовниц и до нее, и после, так что нельзя сказать, что девушка соблазнила стоика и аскета. Если бы Александра не узнала об его активной личной жизни или сумела бы простить прошлые грехи и примириться с будущими, то так и осталась бы женой Виктора. Инга заполучила профессора Стрельникова только потому, что Александра выгнала его.

И все же на семейную фотографию смотреть было тяжело. Гриша на снимке мечтательно глядел куда-то вдаль, и Александра подумала, что этот красивый мальчик вполне мог бы быть ее сыном. А вот этот малыш, на младенческом личике которого ясно проступают черты отца, уже, наверное, не мог бы.

Она отвернулась со смутным чувством тоски и досады и снова посмотрела на фотографию с траурной лентой. Осторожно провела по ней кончиками пальцев и подумала, что теперь все осталось позади и нельзя больше думать об Инге иначе, как с грустью и сожалением. «Ты прости меня, что столько лет была преградой для твоего счастья, – прошептала Александра. – Я ничего о тебе не знала, и потому не желала тебе зла. Это правда, Инга, не желала».

Она заглянула в детскую. Ребенок заворочался в кроватке, значит, скоро проснется и захочет есть. Александра прошла в кухню, открыла холодильник и не нашла там ничего, годного для детского питания. Для взрослого, впрочем, тоже. Кусок колбасы, сыр, пачка сливочного масла, полбанки маслин, вот и все.

С неприятным и стыдным чувством, сродни тому, которое возникает, когда читаешь чужие письма, Александра открыла шкафчики. К счастью, нашелся небольшой запас готового пюре, она взяла баночку овощей с курицей и баночку фруктового и задумалась, что делать дальше.

Гришу свекровь скоро привезет с кладбища, ему необходимо будет поесть горячего, да и маленький на одних консервах не продержится, потребуется что-то посущественнее. Свекровь сказала, что доставит внука домой и сразу вернется на поминки, мол, мать мужа, неприлично отсутствовать. Александра подозревала, что старуха просто хочет потусоваться с медицинской элитой города, напомнить о себе, какой она прекрасный врач и до сих пор работает. Но так или иначе, а готовить мадам сегодня точно не станет.

С чувством, будто ворует, Александра достала из морозилки кусок курицы, из ящика для овощей лук и морковку, а с полки шкафчика – вермишель и принялась варить суп, такой, чтобы можно было дать и ребенку.

Проснулся малыш, Александра побежала к нему, сменила памперс, умыла и посадила есть. Странно, она нянчила маленькую Катю так давно, но сейчас делает все привычно и ловко, будто и не было перерыва в двадцать с лишним лет. Откуда-то сами собой появлялись в голове приговорки, «паровозик чух-чух» и прочие приемчики, позволяющие быстро и эффективно накормить малыша.

После еды она посадила Витю в стоявший тут же манежик. Ребенок стоял, держась за перила, улыбался ей, пуская слюни и блестя сахарным зубиком, потом с размаху шлепался на попу, хохотал, брал погремушку, вставал на ноги и радостно колотил погремушкой по бортику манежа. Александра восхищенно цокала, закатывала глаза и произносила: «А кто это у нас такой молодец», и Витя радовался еще больше и выбрасывал игрушку из манежа.

Александра возвращала ее обратно, гладила ребенка по бархатистому темечку, вдыхала детский запах и говорила: «Ты же моя умница». Потом вспоминала, что умница не ее и молодец никак не у нас.

Это сын бывшего мужа, и совершенно неважно, что он похож на маленькую Катю и внешне и характером. Дочка была в младенчестве такая же щекастая и глазастая, и радостная, и точно так же швырялась игрушками из кроватки.

Для Кати этот малыш единокровный брат, близкий родственник, а ей, Александре, – никто. Он ей чужой, только горькое напоминание, что Виктор сделал сына другой женщине, а не ей.

Суп почти сварился, когда она услышала шум подъезжающего автомобиля и напряглась, готовясь к встрече с бывшей свекровью. Сразу не избавиться от двадцатилетней привычки ждать нагоняй при каждой встрече с этой суровой женщиной. В очередной раз вернув Вите погремушку и похвалив его удачный бросок, Александра выглянула в окно и увидела, как из машины вышел незнакомый человек. Расплатившись с водителем, он снова нырнул в салон и через минуту выпрямился, держа Гришу на руках, и так и понес ребенка в дом.

Александра выскочила ему навстречу:

– Что случилось?

– Добрый вечер! Не волнуйтесь, Гриша здоров, просто я дал ему половину таблетки снотворного.

Она распахнула дверь, человек вошел в холл и остановился в ожидании, когда Александра покажет ему, куда нести ребенка дальше. Но Александра этого не знала.

– Давайте вот сюда, – сообразила она наконец и указала дорогу в спальню.

На пороге комнаты незнакомец снова остановился, и Александра быстро откинула покрывало на кровати. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы прикоснуться к супружеской постели Виктора, и Александра снова почувствовала себя какой-то воровкой. Она осторожно сняла с ребенка брюки и пиджачок, укрыла одеялом и тихонько вышла из спальни вместе с незнакомцем, притворив за собой дверь, и только теперь посмотрела на него внимательно. Красивый мужчина, хотя и вступивший в осеннюю пору жизни, с сильной сединой и глубокими морщинами на породистом лице. Девушки любили его раньше, любят и теперь, и, наверное, жизнь его тоже богата на измены и разводы. Александра вздохнула.

– Не знаю, правильно ли я сделал, что дал ему таблетку, но бедняга толком не спал после смерти матери, да и вообще… – Гость нахмурился. – Не знаю я, как

можно пережить такое горе.

– И я не знаю, – покачала головой Александра. – Целый день сегодня думаю, как хоть немного его утешить, и ничего не придумывается. Малодушно так говорить, но если бы он сейчас не уснул, я не смогла бы ему никак помочь.

– Никто бы не смог.

Александра спохватилась, что Витя один, и ринулась в кухню, незнакомец за ней. Увидев ребенка в манеже, он сказал: Здравствуйте, Виктор Викторович, – и протянул малышу руку. Тот схватился за палец и радостно захохотал. – Привет, мой друг, – улыбнулся гость и спохватился. – Наверное, я должен представиться: Ян Колдунов, когда-то был наставником Инги.

– Александра.

– Очень приятно.

Александра вежливо улыбнулась в ответ, но где-то в глубине души шевельнулась неприязнь к этому симпатичному и, видно, хорошему человеку. Вдруг Инга делилась с ним своими невзгодами, и он сочувствовал ученице и презирал обманутую нелюбимую жену, которая все болтается под ногами у влюбленных, никак не соображая, что нужно наконец освободить мужа от постылой себя?

– Я бы хотел просить вас, Александра, – сказал Колдунов задумчиво, не отнимая своей руки у маленького Вити, – чтобы вы записали мои координаты. Вопрос тут довольно деликатный, и, наверное, с моей стороны не слишком хорошо навязываться, но Григорий рос на моих глазах, и я, конечно, не пытался заменить ему отца, но все же делал что-то наподобие этого. В общем, если он вдруг захочет со мной пообщаться, пожалуйста, дайте мне знать.

– А через Виктора Викторовича?

Колдунов пожал плечами и ничего не сказал.

– К сожалению, я не смогу ничего передать Грише, – сказала Александра после долгой паузы. – Не потому что считаю это неправильным, а просто не увижу его больше.

– А вы разве не няня?

– Нет. Я первая жена Виктора.

– Простите.

– Ничего.

Маленький Витя вдруг закряхтел, и Александра поняла, что пора поменять ему подгузник.

– Дайте-ка я, – вызвался Колдунов и сделал все так быстро и ловко, что даже ребенок, кажется, изумился.

Снова оказавшись в манеже, Витя взял погремушку и энергично ею потряс.

– Славный паренек, – улыбнулся гость.

Александра заглянула в спальню и прислушалась к дыханию Гриши. Кажется, спит.

– Простите, что ничего вам не предложила, – сказала она, вернувшись к гостю. – Но мне крайне неловко тут хозяйничать.

– Действительно, нездоровая какая-то ситуация. Мне самому неловко.

– Неловко или нет, а надо помочь.

– В этом смысле да. – Колдунов нахмурился. – Вы сами, наверное, хотите что-нибудь перекусить? Тут в двух шагах есть точка, давайте я метнусь, возьму нам кофе и какой-нибудь кренделек. Вы что предпочитаете, с мясом или с повидлом?

– С мясом.

– Момент. – Ян стремительно выбежал за дверь.

Оставшись одна, Александра почувствовала себя совсем неуютно, даже нехорошо. Она нашла в прихожей подходящий комбинезончик и шапочку, одела Витю и вышла с ним на крыльцо, оставив открытыми все двери, чтобы услышать, если вдруг Гриша проснется и позовет.

Под навесом обнаружилась коляска, Александра посадила в нее ребенка и стала быстро ходить по дорожке от крыльца до ворот и обратно. Ребенок повозился и скоро задремал, Александра опустила спинку, поправила ему подушечку и вспомнила, что Катя тоже мгновенно засыпала, стоило посадить ее в коляску.

Сколько книг она перечитала, пока гуляла с маленькой дочкой! Книги тогда продавали на улице, возле метро ставили столы и черепицей раскладывали на них разные новинки. Тогда все было в диковинку – и детективы, и фэнтези, и хорошая проза. Александра даже вспомнила лохматого веселого парня в смешных бухгалтерских очках и с обветренным от уличного бизнеса лицом. Он быстро начал узнавать молодую мать, запомнил литературные пристрастия и, завидев ее, кричал: «Мамочка, подходи! Агата Кристи свежая!» будто торговал не книгами, а рыбой. Жили они тогда очень скромно, даже бедно, но Александра все же отрывала от скудного бюджета несколько рублей, чтобы купить новую книгу. Потом она катила коляску с Катей в сквер, садилась на лавочку и читала. Другие матери собирались в группы, общались и все друг про друга знали, а Александре нравилось гулять наособицу, проводить время со своими мечтами и фантазиями, а не с мамашками, от глупой болтовни которых она быстро уставала.

Улыбаясь воспоминаниям, Александра поставила коляску со спящим Витей возле крыльца и сама присела на ступеньку. Хорошо, что она сегодня оделась очень просто, в джинсы и темную футболку и обулась в кроссовки, которые стоят целое состояние, но по ним этого не видно. Наверное, поэтому свекровь сказала, что она «опростилась»: будучи замужем за Виктором Александра действительно не позволяла себе подобных нарядов. Джинсы – рабочая одежда, кроссовки – спортивная обувь, а футболки вообще одежда для одноклеточных, которые свои скудные мысли носят написанными на собственной груди, чтобы не забыть, – это давным-давно втолковали ей свекровь и муж, и потому для Александры разумелось само собой, как восход солнца. Но как-то после развода они с

Мешковым покупали ему джинсы, а настырный продавец уговорил ее «хотя бы примерить». Результат превзошел все ожидания – «рабочая одежда» так ласково обтянула попу Александры, так деликатно скрыла некоторые несовершенства, что Мешков ахнул от восхищения.

Спортивный стиль очень пошел ей, а главное, в джинсах можно делать то, чего никогда не станешь в платье или костюме: сидеть на ступеньках, например, задумчиво и рассеянно глядя в небо.

В это лето небо бывало чаще пасмурным, чем ясным, и облака почему-то казались Александре необыкновенными, не такими, как раньше. А может быть, просто она никогда не смотрела в небо, поглощенная разными земными заботами.

…Александра запрокинула голову. Небо сегодня высоко затянуто жемчужной пеленой, а ниже плывут причудливые облака и темные грозовые тучи, через которые с трудом пробивается солнечный свет. Лишь у самого горизонта виден маленький кусочек голубого неба, но скоро и его затянет. Дальше, в направлении залива, тучи расплываются, теряют контуры и падают на землю серой стеной – там идет дождь.

Как странно думать, что эта величественная картина – всего лишь вода, точнее, пар.

Словно зачарованная разглядывая небо, она не заметила, как в калитку вбежал Колдунов и, слегка запыхавшийся, сел с ней рядом. Александра приняла у него из рук картонный стакан и пакет с шавермой.

– Вроде там все чистенько, и повар в перчатках при мне готовил, – сказал Ян, разворачивая свою порцию. – Я, конечно, не инфекционист, но, думаю, не отравимся. Ешьте смело.

Александра вдохнула острый запах жареного мяса и поняла, как голодна. Она рано выехала с дачи, толком не позавтракав, и целый день ничего не ела, потому что казалось неправильным брать пищу в этом доме, самой до конца неясно, почему неправильно, просто она не могла преодолеть какой-то внутренний барьер.

Некоторое время они просто сидели рядышком и жевали.

– Все-таки я волнуюсь за Гришу, – сказал Колдунов, когда первый голод был утолен. – Маленький, к счастью, еще ничего не понимает, а Гриша остался совсем один с чужими, в сущности, людьми. Он ведь отца только-только узнал и просто не успел с ним сблизиться.

– А разве…

– Нет-нет! – энергично перебил Колдунов. – Поверьте, Инга не разлучница, и родить Гришу было, как теперь говорят, только ее решение. Она много лет не поддерживала никаких отношений с Виктором Викторовичем, и мальчик ничего про отца не знал.

Александра ничего не сказала.

– Это правда, – продолжал Ян. – Нельзя, конечно, требовать от вас, чтобы вы думали об Инге хорошо…

– Я стараюсь.

– Не только сегодня. Сейчас да, похороны, и вы заставляете себя…

– Слушайте, – вспыхнула Александра, – я просто сижу с ребенком. Ни о чем не думаю, никого не заставляю. И обсуждать ничего не хочу.

– Простите, – всполошился Колдунов. – Но все же мой долг сказать, что Инга не хотела разрушать вашу семью.

– Я знаю.

Колдунов ничего не ответил, только вздохнул тяжело, так что ей показалось, будто он хочет заплакать. Чтобы не смущать его, Александра вновь посмотрела вверх и увидела, что дождь вдалеке прошел и через небо перекинулась широкая арка радуги.

Виктор вернулся поздно, когда гость давно уже уехал, а маленький Витя был накормлен, умыт и уложен в кроватку. Гриша так и спал, Александра прислушивалась к его ровному дыханию, волновалась за ребенка, но в глубине души чувствовала трусливое облегчение, что он спит и не нужно его утешать.

Было видно, что Виктор сильно выпил на поминках, и Александра невольно поморщилась. Она не любила его пьяным, хотя бывший муж никогда не терял самоконтроля и не опускался до скотского состояния. Обычно он, выпив, произносил возвышенные речи о святости профессии, о том, какие удивительные люди все врачи, а среди них Виктор Стрельников самый удивительный, и, ступив на путь самовосхваления, уверенно двигался по нему дальше, вещая о своих великих достижениях и грандиозных планах. Александре всегда становилось неловко за мужа и жалко несчастных пациентов, чья болезнь стала предметом пьяной болтовни, а когда Виктор с пафосом восклицал: «Я сломаю хребет раку!» – она просто не знала, куда глаза девать, и старалась где-то скрыться в тот момент, как будет произнесена эта сакраментальная фраза.

Теперь, к счастью, она больше не обязана его слушать.

Александра хотела сразу уходить, но Виктор взял ее за руку:

– Побудь со мной немножко, Сашенька!

Они прошли в кухню, Виктор тяжело сел за стол и попросил чаю. Александра молча приготовила ему чашку так, как он любил: крепкий чай с двумя ложечками сахара, и поставила на стол.

– А ты что ж?

– Дома попью.

– А может, останешься? А, Сашуль? Поздно уже, и мне полегче, когда ты рядом.

Она покачала головой. Виктор вздохнул и снова взял ее за руку. Александра уж стала забывать, какая теплая и ласковая у него ладонь…

– Роднуленька ты моя, – вздохнул Виктор. – Если бы ты только знала, как я по тебе скучал. Каждый вечер мысленно желал тебе и Катеньке спокойной ночи, а как проснусь – доброго утра.

«А чего мысленно только», – вдруг подумалось Александре, и она сразу одернула себя за неуместный сейчас цинизм. Но все же… Кто мешает позвонить Кате? Девочка расстраивается, что отец совсем о ней забыл, а он, оказывается, мысленные сигналы посылает.

– Пей чай, а то остынет, – сказала она вслух.

– Ты самый родной мне человечек, Саша, ближе тебя у меня никого нет и никогда не было, – вдруг произнес Виктор совершенно трезвым голосом.

– Пойду я, Витюша. – Слушать его оказалось просто невыносимо. – Действительно, уже поздно.

– Но…

– Пойду.

Быстро поцеловав его в лоб, Александра выскочила на улицу. Она боялась, что если еще послушает уговоры Виктора, то сдастся и останется, а это, конечно, было бы не просто неправильно, но и оскорбительно по отношению к Грише. Что он почувствует, если утром увидит, как в кухне хозяйничает чужая тетка?

После развода Александра почти не жила в городской квартире. Дача тоже строилась во время их брака, но Виктор редко бывал там и не оставил по себе воспоминаний, ни хороших ни плохих, а в квартире было иначе. Нельзя сказать, чтобы Александра сильно страдала там от гнета прошлого, просто испытывала чувство сродни фантомным болям или такое, как возникает, когда заносишь ногу подняться на следующую ступеньку и вдруг обнаруживается, что ее нет, лестница кончилась. Александра просто не могла избавиться от привычки жить с мужем, хотя муж давно ушел. Она машинально ложилась на свою половину кровати и часто, кинув взгляд на Витину тумбочку, спохватывалась, что не поставила ему на ночь бутылку минеральной воды. Проснувшись утром, она

думала: неужели Витя ушел на работу и меня не разбудил, и только через несколько секунд соображала, что муж ушел не на работу, а к другой женщине.

Выйдя в магазин, расположенный в цокольном этаже их дома, она иногда брала сливочное масло прежде, чем вспоминала, что муж ушел и масло никто не станет есть. И много-много других мелких привычек супружества настигали ее в городской квартире, поэтому Александра сбегала от них на дачу. Но сегодня возвращаться туда было уже поздно, и Александра вошла в дом, где много лет жила счастливой женой, откуда выдала замуж дочь и где впервые застала мужа с любовницей…

Но сегодня день выдался слишком тяжелым и слишком грустным, чтобы завершать его грязными воспоминаниями. Александра тряхнула головой, наскоро приняла душ и легла в постель. Включила «Теорию большого взрыва», чтобы отвлечься от тягостных мыслей. Раньше, будучи замужем, она не могла себе позволить такой вольности: Виктор смотрел на ночь новости и сразу выключал телевизор, чтобы ничто не мешало ему уснуть. Предполагалось, что свои любимые сериалы бездельница-жена может смотреть весь день напролет, пока он на работе. «Или с бабами развлекается», – шепнул на ушко ехидный внутренний голос. Виктор часто задерживался допоздна, а по молодости брал много ночных дежурств, и Александра ждала его в счастливом неведении, преисполняясь гордостью, что муж ее талантливый и востребованный хирург, что он спасает жизни, пока она обеспечивает ему крепкий тыл. Оказывается, он не только спасал уже существующие жизни, но и создавал новые, что ж, бог ему судья, и пора перестать о нем думать. Это был долгий брак, но он закончился, и нет смысла теперь искать границу, за которой кончалась иллюзия и начиналась правда.

…Она проснулась в восьмом часу утра, отдохнувшая и в прекрасном настроении, но быстро вспомнила, что у Виктора умерла жена, поэтому радоваться жизни сейчас нехорошо. Александра вздохнула: наверное, она очень плохой человек, но так трудно заставить себя скорбеть!

Заварив себе кофе, Александра села листать ленту новостей в социальной сети. Промелькнуло несколько постов с восхвалениями ее книг, и писательница почувствовала легкий укол совести: уже месяц прошел, как она сдала рукопись в издательство, пора приниматься за новую, а у нее еще конь не валялся. Даже сюжет еще не сформировался, какие-то обрывки идей ползают по извилинам, как изможденные солдаты в окопах, а в атаку не идут… Надо сесть,

сосредоточиться и набросать план текста, но вчерашний день, чувствовала Александра, надолго выбил ее из привычного ритма.

Она листанула дальше и улыбнулась: кто-то выложил запись старой композиции Мешкова, от которой юная Александра фанатела до дрожи в коленках.

Да что там… Даже теперь песни Мешкова вызывают трепет в ее сердце. Александра нажала воспроизведение и включила максимальную громкость на айпаде.

Неважно, что после развода с Виктором у нее был с Мешковым роман, просто Всеволод очень талантливый, и от его песен душа хочет воспарить, оторваться от тела и улететь куда-то ввысь. «Как старая боевая лошадь от звуков военной трубы хочет в поход», – усмехнулась Александра, и руки вдруг сами достали телефон.

Когда человек остается один, он дичает и делает глупости. Например, находит номер музыканта Мешкова и собирается ему позвонить, хотя прекрасно знает, что этого не нужно.

«Может, он вообще сменил телефон, – сказала себе Александра. – Определенно, фанаты пробили номер, и он его сменил. Ну а с другой стороны, с бывшим мужем ты вчера ж виделась, и земля не раскололась, так что, если позвонишь бывшему любовнику и спросишь, как он поживает, тоже ничего не случится. Простая вежливость».

В конце концов она выторговала себе лимит: три гудка. Если за это время Мешков не ответит, она разъединится.

Странно, но как только она набрала номер, сердце заколотилось как бешеное, во рту пересохло, и руки, кажется, задрожали, будто она была не взрослой женщиной, а влюбленной девочкой-подростком. Еле дождавшись, когда прозвучит назначенный третий гудок, Александра разъединилась. Вот и все.

Пора возвращаться на дачу, в благополучную безмятежность, к родителям и цветам. Хватит с нее страстей и переживаний.

Она потянулась к джинсам, но вдруг вспомнился вчерашний упрек свекрови. Опростилась… Неужто правда? Вдруг она, как множество женщин, оставшихся одинокими, махнула на себя рукой и просто пока еще не сознает этого? Надо быть честной с самой собой и признать, что она носит джинсы не потому, что у Всеволода при виде ее обтянутой денимом попы искры из глаз сыпались, а просто это удобно, напялила и пошла. Не надо ничего наглаживать и потом следить, чтобы юбка не задралась и не перекрутилась, идешь себе и идешь.

Энергично тряхнув головой, будто отгоняя наваждение, Александра распахнула шкаф и достала льняное платье с вышивкой. С легким сожалением подумала, что к нему кроссовки не наденешь, только туфли или босоножки, значит, дорога от станции до дачи станет не такой легкой и приятной, как обычно. Но человек именно тогда и опускается, когда предпочитает личный комфорт всему остальному. Придется потерпеть.

Александра оделась, обулась и внимательно посмотрелась в зеркало. Что ж, выглядит она очень и очень неплохо. Фигура подтянутая, лицо свежее, морщин совсем мало, и волосы густые и блестят, а легкий налет седины не портит и не старит, наоборот, придает облику естественность. Без всякого лукавства можно признать, что она почти не изменилась за последние годы, только, пожалуй, опустились уголки губ… И это даже не очень-то заметно, просто теперь требуется немножко больше усилий, чтобы улыбнуться.

Расстояние от станции до дачи составляло три километра, и к концу пути Александра не раз помянула свекровь недобрым словом. Очень хотелось снять босоножки на высокой платформе и пройти остаток дороги босиком, но нежным ступням, только-только после педикюра, вряд ли понравится соприкосновение с грунтовой дорогой. Оставалось только сожалеть, что разумные аргументы о том, что грамотно экипироваться не значит опроститься, пришли ей в голову слишком поздно. «Вот бабка вредная, – думала Александра то ли со злостью, то ли с восхищением, – всех заставляет плясать под свою дудку! Вроде бы она мне теперь никто и можно посылать ее на все четыре стороны, а вместо этого я тут ковыляю из последних сил, лишь бы доказать ей, что она не права! Что за дар такой у человека…»

– О, Сашенька. – Папа вышел ей навстречу и расцеловал. – Почему не позвонила, я бы за тобой метнулся на станцию.

– В нашем возрасте надо больше ходить пешком, – сказала она назидательным тоном. Папа всю жизнь был страстным автомобилистом, даже в те годы, когда ему полагался служебный автомобиль с водителем, любил сам сидеть за рулем, и сейчас ежедневные пять километров, рекомендованные врачом, казались ему нелепостью. Зачем идти, когда можно проехать на машине?

– Кстати, Санечка, тебя утром спрашивал мужчина на «козле».

– На козле? Пап, я, конечно, последнее время вращаюсь в литературных кругах, но настолько эксцентричных знакомых у меня нет.

– На первом советском джипе, – пояснил отец. – Такой приятный дядька средних лет, представился Всеволодом.

– Ах это, – сказала Александра небрежно и скорее отвернулась, чтобы отец не заметил ее волнения. – Так, работяга один. Может, думал, что я все еще строюсь.

Войдя в дом, она поскорее сбросила обувь, села в кресло-качалку на веранде и зажмурилась. Вот как бывает, пока она грустила, что Мешков ей не перезвонил, он взял и приехал. Для гарантии, наверное. Они недолго были любовниками, но Всеволоду хватило времени понять, какая взбалмошная, глупая и ненадежная женщина его подруга. По телефону, может быть, и не станет разговаривать, а от личной встречи не увернешься.

Александра начала энергично раскачиваться, вспоминая. Когда-то давно она, советская пионерка, влюбилась в запрещенного рокера Мешкова. Не в человека, не в мужчину, а в мятежный дух, в силу его песен и в отвагу, с которой Всеволод пел, несмотря на все запреты и гонения. Наверное, ей, послушной и хорошей девочке, необходима была эта энергия бунтарства, хотя она не собиралась ничего ниспровергать. Тогда время такое было душное, заставляли верить в то, во что искренне поверить просто невозможно, и видеть то, чего на самом деле нет, а что есть, наоборот, не видеть. Иллюзорная, вымышленная реальность, в которой не на что было опереться, вот молодежь и тянулась ко всяким «неформалам».

«Странно, – подумав, усмехнулась Александра. – Сейчас понимаешь, что советские песни были прекрасны! Но официальная идеология такой фальшивой,

что мы не хотели ничего, что она нам предлагала. Столько сил и средств было потрачено, чтобы оградить молодежь от тлетворного влияния Мешкова и таких, как он, столько помоев вылито на головы рокеров, а всего-то надо было сделать какую-нибудь его песню официальным саунд-треком комсомольского съезда. Все! Проблема решена, Мешков как музыкант для молодежи умер бы. Хеппи-энд».

Она зажмурилась еще крепче, пытаясь отождествить себя с той девочкой, что влюбилась в страстный голос с магнитофонной ленты и в черно-белые фотографии, сделанные на подпольных концертах, «квартирниках». На этих снимках даже невозможно было понять, как выглядит Мешков, потому что фотографировали его во время пения, когда лицо искажено криком. Но юную Александру это не смущало. Она хранила фото под подушкой и вечерами тихонько слушала в своей комнате затертую кассету, где низкий голос Всеволода с трудом пробивался сквозь помехи на пленке.

Наверное, тогда она была влюблена не в человека, а в саму идею любви, в высокий дух, в ясное понимание, что в жизни есть что-то еще, кроме обыденности и рутины. Волшебство, в которое все же перестаешь верить, когда взрослеешь.

И она повзрослела, и влюбилась в Витю, и вышла за него замуж, и прожила много лет, считая себя счастливой, но в душе всегда оставался крохотный уголок для Мешкова. Александра следила за его творчеством, слушала новые песни, и почему-то ей было очень приятно узнавать из средств массовой информации, какой Всеволод хороший и смелый человек.

А потом благополучная жизнь вдруг начала сыпаться. Дочь вышла замуж и уехала на другой конец страны, сама Александра из домохозяйки вдруг превратилась в популярную детскую писательницу и одновременно с выходом первой книги узнала о том, что муж изменяет ей. Как в скверном анекдоте, пришла домой не вовремя и застала Виктора с женщиной. Сколько сил потребовалось ей, чтобы принять измену, уговорить себя, будто это – досадная случайность, единственная уступка мужа своим низким инстинктам, и надо скорее все забыть и жить дальше! Все ее существо противилось такому решению, но Александра смогла переломить себя, потому что нет ничего важнее брака – и надо сохранять его любой ценой.

Тут вдруг откуда ни возьмись появился Мешков. Книгу Александры как раз собирались экранизировать, постановщики отнеслись к автору чрезвычайно внимательно, спросили, кого она хотела бы видеть в ролях своих любимых героев, и автор без колебаний назвала Мешкова. С ним связались, и Всеволод вдруг решил, что автор детских книг очень нравится ему. По какой-то странной иронии судьбы он тоже влюбился в нее по фотографии и по продукту творчества, как и она в него когда-то.

Александра долго не поддавалась на его ухаживания, пока не пришлось ей столкнуться с безжалостной правдой. Муж изменил ей не один раз, а делал это систематически, начав чуть ли не на следующий после свадьбы день. Она, конечно, воспитывалась еще при советской власти и получила прекрасные навыки игнорирования реальности и собственных интересов, но чтобы жить дальше с Виктором, этого умения все же оказалось недостаточно.

Об ухаживаниях Мешкова она в те минуты не думала и планов никаких не строила, ибо твердо была уверена, что после развода жизни нет. Все. Конец. Только мертвое пепелище.

Жизнь кончена, поняла Александра, когда собрала вещи Виктора и выставила его за дверь. Поэтому и потянулась к Всеволоду, что будущего у нее не было, а перед самым концом можно делать, что хочется. Небольшой приятный бонус, возвращение к исходной точке, откуда все началось, изящное замыкание круга.

Но время шло, и настал момент, когда Александра с изумлением сообразила, что очень ошибалась и ничего не кончено. Жизнь продолжается, пусть не такая, как она думала, пусть изуродованная, искалеченная, но продолжается со всеми своими повседневными заботами, с рутиной и бытом, маленькими радостями и неприятностями. И вдруг оказалось, что Мешков не очень подходит к этой жизни. Что он был для нее как омут, в который она прыгнула, но не утонула.

Он – человек из другого мира, его нельзя даже познакомить с родителями, потому что папа ненавидит и презирает рокеров, считая их предателями родины. У него концерты, гастроли, мучительные дни, когда он сочиняет свои песни. Репетиции по много часов. Но к этому она вполне бы приспособилась, если бы не одно «но». Товарищи Всеволода курили марихуану, и Александра подозревала, что любовник тоже не безгрешен в этом отношении. Она сорок пять лет прожила в мире, где не было наркотиков, и совершенно не хотела вводить их в свою реальность. Мешков клялся, что в юности, да, покуривал, но

давно бросил и из лозунга «секс, наркотики, рок-н-ролл» практикует только первое и третье, а второе не пускает в свою жизнь ни под каким видом. Александра пыталась заставить себя поверить, но трудно это вязалось с знанием, что бывших наркоманов не бывает. Да и вообще после измен Виктора она как-то разучилась верить людям.

Ей было хорошо с Всеволодом, но раз начав думать об его пристрастии, она уже не могла перестать это делать. Наверное, со временем Александра успокоилась бы, но помешали мысли о первой жене Мешкова. В самом начале отношений он сухо сообщил, что вдовец уже больше десяти лет, и ничего больше не прибавил к этому. Ни кто была его жена, ни отчего умерла, никогда не рассказывал, и Александра стала представлять всякие ужасы. Может быть, жена была наркоманка и умерла от передозировки. Может быть, Мешков причастен к ее смерти. Что-то здесь явно нечисто, иначе бы он поделился с новой подругой, потому что во всех других отношениях был вполне откровенен.

Александре теперь трудно было отождествлять себя с той влюбленной девочкой, слушавшей по ночам запрещенные песни, а Мешкова – с магнитофонными пленками и старыми фотографиями, вызывавшими в ней целый водоворот чувств, но и настоящий, современный Всеволод очень нравился ей, и порой так хотелось забыть обо всех этих «но». Запах травы, доносящийся из студии, когда вся группа собирается на репетицию, вполне можно принимать за обычный сигаретный дым, и никто не запрещает думать, что ударник набил себе кучу татуировок просто для красоты, а не чтобы скрыть следы инъекций. В общем-то, нет никаких препятствий к тому, чтобы быть счастливой. Больше половины жизни она прожила в иллюзиях, почему бы не практиковать это и дальше? Только если с Виктором она не понимала, что обманывает себя, то с Мешковым придется делать это вполне осознанно, а жить, зная, на что именно ты усердно закрываешь глаза, – то еще удовольствие.

И Александра рассталась с любовником. И, странное дело, почти не страдала от разлуки. Звонок Мешкову – просто легкая слабость, вызванная тяжелым и грустным днем, и очень хорошо, что они разминулись. Ей было бы нечего сказать ему.

Не хотелось такое о себе понимать, но ей понравилось жить одной. Заботиться только о себе самой и вечера проводить в одиночестве, за размышлениями о новой книге, а не выслушивать хвастливые россказни мужа об его гениальных достижениях на хирургической ниве. Одиночество, которое всегда

представлялось хуже ада, оказалось неожиданно приятным, хотя Александра понимала, что так считать очень плохо и в принципе женщина всегда обязана стремиться к простому женскому счастью.

Александра потянулась к сумке, которую, войдя, бросила на журнальный столик, и едва не перевернулась в кресле-качалке. Пришлось встать.

Достав телефон, она написала эсэмэску: «Прости, Всеволод, я набрала тебя случайно».

Через неделю после похорон Инги вдруг позвонила свекровь и пригласила в гости. Александра удивилась, но поехала.

Зачем-то с дачи завернула в городскую квартиру, где тщательнейшим образом оделась, уложила волосы и накрасилась, чтобы не дать свекрови повода снова заметить, что она «опростилась».

Дорога в дом родителей мужа была хорошо знакома. Сколько раз они ходили по ней вместе с Виктором, держа за руки маленькую Катю! Всегда праздничные, нарядные, с цветами или тортиком, с бутылкой вина, поэтому добирались общественным транспортом, а не на машине.

Альбина Ростиславовна считалась любезной и доброжелательной хозяйкой, и у нее как-то очень здорово выходило оскорблять невестку, не покидая границ своей любезности и доброжелательности. «Ах, дорогая, этот салат должен быть сладким! Майонезом его заправляют только плебеи!», «Неужели Витя это ел?», «Я так мечтаю, чтобы внучке с младенчества прививался хороший вкус!», «Человек должен быть увлечен своей работой, а не делать ее из-под палки!», «Дорогая, ты выглядишь утомленной!» – подобные сентенции сыпались из свекрови, как из рога изобилия, и после каждого общения с ней Александра оставалась с чувством, что является дурной, глупой и низкой женщиной, тем более сильным, что прямо ничего плохого не произносилось, так что к собственным недостаткам ей следовало приплюсовать еще излишнюю подозрительность, а также неблагодарность.

Родители Виктора жили в центре города, в старом доме, в квартире с высокими потолками, но на редкость бестолковой планировки. Настоящие советские

врачи, подвижники, они мало заботились о деньгах и быте, и квартира у них всегда выглядела опрятной, но в то же время слегка запущенной. Они так и не сподобились сделать хороший ремонт, так, бывали хаотические всплески активности у свекрови: то поклеит новые обои в одной комнате, то наконец поменяет расколотый унитаз, но при отсутствии системного подхода это никак не облагораживало вид и не делало жизнь удобнее. Александра много раз предлагала сделать ремонт, откладывала на это деньги, говорила, пусть родители мужа только выберут интерьер, какой хотят, и уезжают отдыхать, а она уж воплотит в жизнь их мечты.

Но свекровь не только отказывалась, а еще и обижалась и дулась на невестку, пока та не извинится за самоуправство.

Сегодня, поднявшись по старой обшарпанной лестнице в квартиру родителей мужа, Александра спокойно смотрела на потертые обои, серую от пыли лепнину потолков и на высокие старинные двери, выкрашенные белой масляной краской в незапамятные времена. Краска давно пошла пузырями, облупилась, кое-где проглядывала даже желтая доска. Кажется, после того как она развелась с Виктором, жилище его родителей пришло в еще больший упадок, но теперь, слава богу, это не ее дело. Теперь можно смотреть на все это без чувства вины.

Альбина Ростиславовна была дома одна, и Александра огорчилась этим обстоятельством. Свекор, человек тихий, в присутствии жены практически бессловесный, все же служил кое-каким буфером и иногда умел разрядить накалившуюся обстановку.

– Умница, что пришла. – Свекровь расцеловала ее гораздо ласковее, чем в былые времена, и повела в гостиную.

Александра словно провалилась во времени. Все здесь осталось как в тот день, когда она впервые пришла «знакомиться с родителями». На всю стену стеллаж с книгами, не «мещанская» стенка, а именно стеллаж самой простой и грубой работы. Книги наполовину медицинские, наполовину советская литература времен «оттепели» и классика, сколько семья могла «достать», не будучи вхожа в партийную или торговую элиту. На другой стене – жуткий ковер в коричневых тонах с нотками бордо, почти такой же – на полу. Александра вдруг вспомнила, что в далекие времена ее детства ковры, пожалуй, были единственным товаром, который находился в свободной продаже. Только их можно было купить, не записываясь в длинные списки, не бегая отмечаться и не рыская по магазинам в

конце месяца, в надежде, что «выбросят» финские сапоги или какие-нибудь фирменные одежды. Сама Александра этих проблем не знала, все же папа служил секретарем горкома, но подружка Лидка рассказывала, как живут обычные люди. Гуляя после школы, они с Лидой иногда заглядывали в универмаг, в основном чтобы посмеяться над представленными там изделиями легкой промышленности, подчас просто поражавшими своим уродством. Вдоволь поиздевавшись над жуткими пальто, они спускались в секцию ковров, где всегда пахло резиной и клеем, стояли огромные рулоны с дорожками, по стенам висели ковры, а в центре зала стояло загадочное приспособление, похожее на дыбу, как ее рисуют в учебниках истории, и оттого интерьер секции напоминал Александре рыцарский замок. Она рассматривала узоры и не могла понять, кому придет в голову добровольно тащить в дом эти полигоны для моли. Только выйдя замуж поняла кому.

Усевшись на старый диван, который уже был старым в день ее первого появления тут, Александра скользнула взглядом по старинным семейным фотографиям и подумала, как нехорошо, что она за долгие годы замужества так и не выучила, кто эти люди, внимательно и серьезно глядящие сквозь время. Знала, что предки Виктора, но не запоминала, как кого зовут, кто кем приходится и чем отличился во славу рода Стрельниковых. А вдруг когда-то и ее снимок будет висеть в чьей-то гостиной, убранной, хочется верить, не так депрессивно, и Катины потомки станут показывать какой-нибудь девушке: «А вот это наша прапрабабушка». А девушка скажет: «Надо же!» – и войдет в семью и проживет полвека, каждый день думая, что хорошо бы убрать портрет этой неизвестной тетки из прошлого, но вроде бы рама красивая и дыру на обоях закрывает.

Александра улыбнулась.

Свекровь тем временем вкатила в комнату сервировочный столик, на котором все было готово для чая.

– Я специально к твоему приходу испекла свое фирменное печенье, зная, как ты его любишь, – сказала свекровь.

«Не столько печенье, сколько мир в семье, – усмехнулась про себя Александра, – попробовала бы я сказать, что ты готовишь так, будто всех ненавидишь. Приходилось восхищаться. А теперь вроде бы и незачем хвалить твою стряпню, но и правду резать тоже глупо. Время ушло».

Она взяла с блюда печенье, заметив, что очень вкусно.

– Спасибо, Сашенька, что откликнулась и посидела с Витюшей, – сказала свекровь мягко и погладила ее по коленке, – честно говоря, я была приятно удивлена твоей отзывчивостью.

– Раз такая беда, тут уж не до старых счетов.

– Ах, какие счеты, дорогая! – махнула изящной кистью Альбина Ростиславовна. – Поверь, я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь, и совершенно не держу на тебя зла.

Александра промолчала.

– Да, милая моя, совершенно не держу. Мы с тобой вообще расстались как-то несуразно, не поговорили ни до развода, ни после и не простились как следует. Ты ушла из нашей семьи, извини, конечно, что одну ночь переночевала, что двадцать лет прожила… До свиданья даже не сказала.

«Ну, как уходят переночевавшие с вашим сыном одну ночь, вам, видно, хорошо известно», – Александре удалось сдержаться и не сказать этого вслух.

– Я привыкла считать тебя за дочь, а ты даже не пришла ко мне, прежде чем принять такое страшное решение, – продолжала свекровь все так же ласково.

– Альбина Ростиславовна, но ваш сын изменял мне и сделал ребенка на стороне! – не выдержала Александра. – Чем бы вы могли это перебить? Какой аргумент привести, чтобы я осталась с ним? Я вот не нашла, сколько ни думала.

– Понимаю твое негодование, дорогая. Виктор поступил очень плохо, поэтому я ни слова не сказала против того, что ты забрала себе квартиру и дачу. Ни слова! – Свекровь многозначительно подняла палец. – Пусть все это было приобретено на его заработки, но измена есть измена. И я представляю, как тебе было плохо, когда ты все узнала, только надо было не страдать в одиночестве, а прийти ко мне со своим горем, и, поверь, мы бы все прекрасно уладили! Я ж не враг тебе, моя дорогая, и никогда не была.

– Так я и развелась не с вами, а с вашим сыном.

– Оставь сарказм, Саша, он тебе не идет. – Альбина снова похлопала ее по коленке. – Повторяю еще раз, я ни в чем тебя не упрекаю, но позволь тебе все же заметить, что, отказавшись от помощи людей, которые хотят тебе только добра, и поддавшись своим первым побуждениям, ты поступила опрометчиво.

– Но…

– Крайне опрометчиво, – повторила свекровь с нажимом. – Знаешь, такое впечатление, будто ты всю жизнь прожила в хрустальном замке, а когда столкнулась с реальностью, растерялась и наломала дров. Безусловно, хорошо жить, веря в светлую любовь и верность, но мужчины есть мужчины. Если ты вдруг снова выйдешь замуж, думаешь, муж не будет изменять тебе?

– Думаю, он будет уже не в том возрасте, чтобы это делать.

– Опять шуточки! Раньше в тебе не было этого ерничания!

– Что делать, – пожала плечами Александра, – развод меняет людей.

– Вот именно! Так зачем ты допустила, чтобы он состоялся? Ах, Сашенька, нет на свете такой жены, которой муж был бы верен всю жизнь! Даже мой Виктор Викторович…

«Господи, три живых Виктора Викторовича в одной семье, – подумалось Александре. – Три! Как вы с ума-то не сойдете!»

– Не знаю, как другие, – сказала она вслух, – но я росла у дружных родителей и видела, как мама с папой любят друг друга. Может, для вас измена это норма, а для меня нет.

Свекровь покачала головой и улыбнулась ей ласково, как никогда раньше.

– Милая ты моя, – сказала она после долгой паузы и вдруг обняла Александру. – Какая же ты наивная еще девочка!

– Да какая девочка! – фыркнула Александра, высвободившись. – Сорок шесть лет почти!

– А в душе совсем ребенок!

Александра вдруг с ужасом увидела, как на глазах свекрови выступили слезы, и поспешно отвернулась.

– Деточка моя. – Альбина Ростиславовна вдруг забрала ее ладонь в обе свои руки, как это делают иногда в сериалах крупные руководители, когда хотят показать человеку свое особенное расположение. – Деточка, жены всегда едят свой хлеб с этой приправой. Мы стареем, а мужчины есть мужчины, для них молодое тело, это – знаешь ли…

– Не знаю и знать не хочу, – отвернувшись, проговорила Александра. – Мало ли какие у меня были желания за годы семейной жизни, я ж не все их реализовывала.

Альбина Ростиславовна улыбнулась:

– Ты бережешь фигуру, но кусок торта себе нет-нет да и позволишь. Знаешь, что вредно, а все равно не можешь удержаться. Так же точно и мужчины, особенно если они такие видные, как мой сын. Был бы твой муж никчемный алкоголик, может, и не изменял бы, потому что никому не нужен, но поверь, в постели он все равно не о тебе бы мечтал. Мой сын – состоявшийся человек, специалист мирового уровня, интересный внешне, конечно, он желанная добыча для женщин, а они сейчас не таковы, чтобы стыдиться связи с женатым человеком или мучиться угрызениями совести, что уводят мужа из семьи.

– Я поняла, бедный Витенька проводил все дни среди сильнейших соблазнов, и не его вина, что он им постоянно поддавался.

– Вот именно, – сказала свекровь без улыбки. – Пойми ты, наконец, что секс на стороне это всего лишь секс, а брак – что-то неизмеримо большее. Это союз двух людей, которым много приходится прощать друг другу, в том числе и некоторые маленькие шалости.

– Так именно потому секс на стороне и не нужен, что брак неизмеримо большее, – буркнула Александра, начавшая уже тяготиться этим разговором.

– Ты говоришь как идеалистка, – Альбина вздохнула, – а все мы живем в реальной жизни, и я, и мой муж, и мой сын, и твои родители. Откровенно говоря, я очень удивилась, почему твоя мама позволила тебе развестись, не поговорила с тобой так откровенно, как я сейчас, потому что она тоже прошла через это, но смогла сохранить семью.

– Откуда вы знаете? – опешила Александра.

– Твоя мама мне рассказывала. Ты, наверное, уже не помнишь, какое тогда было время. Тотальное лицемерие и тотальный же контроль всего и вся. Считалось, что партийный работник должен быть человеком высоких моральных устоев и не помышлять о таких жутких вещах, как измена и развод.

– Мой папа такой и есть, – сказала Александра твердо.

– Успокойся, я говорю тебе это не для того, чтобы очернить твоего отца, а совсем наоборот. Когда-то твой отец увлекся молодой женщиной, но он знал, что если разведется, то потеряет все и карьера рухнет, поэтому встречался с ней тайно, и тем не менее твоя мама все узнала. Думаешь, она страдала меньше твоего? А ведь ей даже пожаловаться было некому, кроме меня, потому что все ее подруги тут же донесли бы, куда следует. Думаешь, она не хотела развестись? Но твоя мама – мудрая женщина и в конце концов поняла, что полный крах карьеры слишком высокая цена за глупую интрижку. Кроме того, она любила тебя и хотела, чтобы ты выросла в привилегированной среде, ела нормальную еду, носила красивые вещи и училась в хорошей школе, а после развода вам неминуемо пришлось бы хлебнуть райской жизни настоящих советских женщин. Твоей маме было очень тяжело, это адский труд – восстанавливать семью, но оно того стоит. Поговорка, что разбитую чашку не склеишь, для слабаков.

– Вот как?

– Ты недолюбливаешь нас с Виктором Викторовичем, поэтому наш пример я приводить тебе не стану, но посмотри на своих родителей! Они счастливы теперь, когда бури страстей отшумели, они действительно стали как один человек. А были на миллиметр от того, чтобы развестись.

Александра тряхнула головой, потому что чувствовала себя как в дурном сне и очень хотела пробудиться.

– Я вам не верю, – сказала она громко, – и не могу понять, зачем вы со мной об этом говорите. Правильно я сделала или нет, но развод состоялся, и мы с вами теперь посторонние люди. И, кстати, с моими родителями вы теперь тоже чужие, поэтому не лезьте вы в нашу семью, ради бога, с какими-то идиотскими разоблачениями! Мы разберемся и без вас.

Свекровь снова взяла ее за руку:

– Не сердись на меня, пожалуйста! Мне не хочется расставаться с тобой врагами… Просто подумай о том, что измена – это еще не самое страшное в жизни.

Свекровь еще рассказывала что-то про свои отношения с мужем, но Александра ее уже не слушала. Быстро допив чай, она поднялась и стала прощаться. Альбина ласково обняла ее, извинилась, что расстроила, но тут же добавила, что сделала это исключительно для пользы невестки.

Александра вяло простилась и вышла, но, вместо того чтобы ехать домой, отправилась пешком к набережной Обводного канала. Она шагала быстро, не замечая ни красивых фасадов, ни ярких витрин и не обращая внимания на прохожих. Ехать на дачу, нести родителям россказни свекрови у нее пока недоставало сил.

Неужели это правда? Неужели она жила, купаясь в счастье и любви родителей, думая, что это так же просто и естественно, как солнечный свет, и не знала, какую тяжелую работу отец с матерью производят над своими душами? Неужели они только притворялись любящей семьей, а сами трудно и обреченно склеивали «разбитую чашку»? Но клей этот, видно, оказался сильным, сильней, чем любовь и доверие. Что же входит в его состав? Прощение? Искупление? Правда?

«А ты не думай и не лезь туда, где тебя не касается, – повторяла она себе раз за разом. – Лучших родителей, чем у тебя, и вообразить нельзя, а уж что там у них между собой происходит – вообще не твое дело! Может, старая зараза врет, а

может, и нет, какая разница. Если даже папа изменял маме, это все только между ними. Ты тут ни при чем».

Она подошла к зданию Варшавского вокзала, ставшего теперь торговым центром. Все меняется, вздохнула Александра, вроде бы здание на месте, стоит, радует глаз, но никуда теперь отсюда не уедешь. Она вошла внутрь, в сияющий гранитной плиткой и пафосными витринами холл. Без всякого интереса перебрав несколько платьиц в первом оказавшемся на пути магазинчике, Александра вздохнула и спустилась в полуподвальный ярус, взяла большой стакан кофе и с удобством устроилась в дальнем углу зала, за огромным горшком с агавой, которая среди сутолоки и кофейных запахов росла чрезвычайно пышно.

Александра помаленьку пила латте и внимательно разглядывала редких посетителей. Вдруг кто-то из них даст толчок новой идее или, не подозревая о собственной щедрости, подарит что-то образу героя, какой-нибудь необычный наряд, или жест, или манеру говорить. Когда стопорился процесс работы над текстом, Александра всегда шла куда-нибудь в людное место наблюдать и один раз написала целую повесть, три минуты пообщавшись с продавщицей из книжного магазина.

Но сегодня озарения к ней не шли. Разговор со свекровью разбередил затянувшиеся, как ей казалось, раны, и сколько Александра ни уговаривала себя, что Альбина Ростиславовна просто вздорная и лживая старуха, на сердце становилось все тоскливее, и посетители кофейни казались серыми тенями, да и кофе почему-то не имел вкуса.

Вспомнилось, как Виктор лет десять назад хотел повенчаться. И все было уже готово, воцерковленная пациентка Стрельникова в благодарность за лечение договорилась об обряде в самом Никольском соборе, и Александра запланировала праздничный ужин в кругу семьи (после стольких лет семейной жизни обоим казалось глупо устраивать из венчания громкое событие) и подобрала подходящее платье себе и Кате, но в радостных хлопотах совсем упустила из виду, что Альбины Ростиславовны нет в городе. Свекровь проводила отпуск у подруги под Керчью и очень обиделась, что такое важное событие дети хотят провести без нее. «Как же так, Витюша? Неужели я не имею права быть при венчании единственного сына?» – вздыхала она в телефоне по десять раз на дню и говорила, что это «серьезный шаг» и «спешка ни к чему», будто бы сын только вчера познакомился с Александрой, а не прожил пятнадцать лет в

законном браке. Быстро стало ясно, что, если они все же пойдут в церковь, это будет кровная обида и венчание вместо приятного воспоминания превратится в вечный источник упреков и ссор. Решили отложить до возвращения Альбины Ростиславовны, а когда оно состоялось, Витя уже перегорел идеей, воцерковленная пациентка поправилась и не давала больше о себе знать, и все не то чтобы забылось, но перешло в разряд таких дел, о которых думают: «вот надо бы как-нибудь обязательно сделать», и никогда не делают.

«А она ведь даже не вспоминает про венчание, – усмехнулась Александра. – Упрекает меня, что бросила ее прекрасного сыночка, и в лоб ей не влетит, что вдруг я бы осталась, если бы мы тогда все же сходили в церковь? Вдруг это стало бы той нитью, которая бы удержала меня рядом с Виктором? Это гражданский брак легко расторгнуть, а церковный – на всю жизнь. И Витя, наверное, все же любил меня, раз предлагал венчаться… Конечно, мы с ним не особо православные, можно сказать, атеисты, но все же оба люди порядочные. И если бы был в нашей жизни день, когда мы без всяких причин поклялись друг другу быть вместе до конца и знали, что никто нас от этой клятвы разрешить не может, наверное, у меня не хватило бы духу разойтись со Стрельниковым. Как сказала любимая свекровь, все жены едят с этой приправой, так чем я лучше? Но сей повар будет готовить острые блюда…»

Вспомнив хрестоматийное высказывание Ленина о Сталине, Александра фыркнула, и подавленное настроение прошло.

Она улыбнулась бариста за стойкой, невысокому щуплому пареньку, обернувшемуся на ее смех, и тут ее озарило: «Господи, старая лошадь могла же поменять билеты и вернуться домой как раз к венчанию!»

Решив задачу таким нестандартным образом, Александра почувствовала себя как Архимед. Просто научное открытие, что другие люди могут что-то менять в собственной жизни, если хотят участвовать в твоей.

Александра достала телефон и быстро пролистала короткие сообщения Мешкова. Как жаль, что они почти не фотографировались, пока были вместе!

Так захотелось позвонить Всеволоду, что она быстро бросила телефон в сумочку, но тут он сам подал сигнал. «Мешков», – прочитала она на экранчике, и сердце вдруг заколотилось, будто ей шестнадцать лет. Первая трусливая мысль была не

отвечать, а, наоборот, выключить звук. Александра вытерпела пять гудков, а потом соединилась, будто нырнула в ледяную воду.

– Я в аэропорту, – сказал Мешков напористо. – Улетаю в Хабаровск и хочу знать, все ли у тебя в порядке.

Александра ответила, что все.

– Смотри, меня два месяца не будет, поэтому если я могу что-то сделать, скажи сейчас.

– Нет, спасибо, – упорно продолжала Александра. – Я же написала, что случайно набрала.

– Не удалила, значит, номер, спасибо и на том. Я, вообще-то, скучаю по тебе и никак не пойму, с чего мы расстались.

«С того, что ты наркоман и насчет первой жены что-то темнишь», – усмехнулась Александра про себя, а вслух спросила:

– Ты правда хочешь это знать?

– Да. Может, дело еще поправимо?

Она улыбнулась, представив его в зале отлета. Интересно, он уже прошел досмотр или еще в главном зале, скрылся в секретном уголке между магазином сувениров и кофейными автоматами, там, где они целовались, как дети, когда Александра провожала его на гастроли.

– Это довольно трудно объяснить, – сказала она тихо. – Понимаешь, я всю жизнь жутко боялась одиночества и искренне считала, что чем жить без мужа, так лучше уж сразу лечь в могилу, чтобы не мучиться. Наверное, я потому вышла за Виктора в восемнадцать лет, что каждая минута в безбрачии причиняла мне невыносимые страдания и казалась прожитой зря. Так уж получилось, что, убегая от одиночества, я заодно убежала и от самой себя. Штампованные фразы, скажешь ты, но это правда. Помнишь стихотворение Цветаевой «Тень от чьей-то тени»? Вот примерно так я себя и чувствовала всю свою жизнь. А когда

одиночество все-таки меня накрыло и первый ужас прошел, то я обнаружила себя, свой центр тяжести, и знаешь что? Я себе нравлюсь, и мне приятно быть наедине с собой.

– А, – сказал Мешков.

– Наверное, это очень плохие чувства, да к тому же я не могу их тебе толком объяснить…

– Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь, – выслушав Александру, проговорил Мешков. – Одиночество творца, все такое… Только почему бы нам с тобой не быть одинокими вместе? Я так скучаю по тебе!

– Правда?

– Ну конечно! Для творчества это действительно хорошо, лирика из меня прямо так и прет с тех пор, как мы расстались, но я к тебе хочу, а не писать новые альбомы.

Александра улыбнулась, а на глаза тем временем навернулись слезы. «Как грибной дождь», – усмехнулась она, чтобы окончательно не растрогаться.

– А давай мы с тобой договоримся, что я тебе позвоню, когда вернусь? – спросил Всеволод. – Но если ты вдруг раньше захочешь меня видеть, сообщи, и я тебе возьму билет туда, где буду.

Александра ничего не ответила, чтобы не выдать голосом волнения. Помолчали, никому не хотелось разъединяться первым. После долгой паузы Всеволод сказал, что хочет она того или нет, но он обязательно позвонит ей через два месяца, как только самолет приземлится в Питере.

– Слушай, Мешков, – не выдержала Александра, – а ты бы мне изменял, если бы мы не расстались?

– Что?

– Изменял бы мне?

Всеволод рассмеялся:

– Вопрос с подвохом. Если скажу, что ни за что не изменял бы, ты мне не поверишь, а скажу «да», – так совру.

– Все мужчины хотят разнообразия и молодого тела, – вспомнив свекровь, уверенно проговорила Александра.

– Детсадовские какие-то стереотипы у тебя, – усмехнулся Всеволод.

– Скажешь, что не так?

– Скажу, что секс сам по себе достаточно приятная штука, чтобы еще искать в нем дополнительные плюсы, – сказал Мешков, понизив голос, и Александра почувствовала, как он улыбается.

– Хорошо, что ты не стал меня убеждать, что я вечно молодая и красивая.

– Саша, что с тобой? – Было слышно, что Мешков не на шутку взволновался. – Я не могу сейчас приехать к тебе, потому что тогда сорву гастроли и подведу людей, но давай возьму тебе билет на следующий рейс в Хабаровск? А? Поговорим нормально?

Александра покачала головой.

– Бизнес-класс? – продолжал искушать Мешков.

Стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, Александра сказала, что с ней все в порядке, но на большее выдержки не хватило, и буквально против своей воли она вдруг заявила, что подождет возвращения Всеволода и тогда нормально поговорит с ним, а он ответил «целую тебя, любимая», так, словно все уже решено и они снова вместе.

Широкий мостик из белесых, вытравленных временем валунов очень живописно перекидывался через протоку. Старые ивы с дуплистыми стволами и нежными

серебряными листьями склонялись над водой, в точности отражаясь от ее неподвижной глади. Дальше дорожка вела в заброшенный, совсем дикий уголок парка, почти лес. Здесь в беспорядке росли высокие ели и сосны, почти не пропускавшие солнечных лучей, а земля вся была покрыта ржавым ковром из старой опавшей хвои, сквозь который пробирались наружу узловатые корни, как будто вены на натруженных руках старика. Александра свернула с дорожки к берегу пруда, стараясь катить коляску по самым ровным участкам.

Плотный строй деревьев отбрасывал густую тень, отчего вода казалась совершенно черной, и редкие белые кувшинки на поверхности пруда выглядели таинственно и грустно. На противоположном берегу лес рос уже другой, из берез и осинок, и солнечные лучи пронизывали листву, отчего казалось, будто она сама светится рассеянным изумрудным светом. Немного поодаль берег зарос камышами, уже совсем пожелтевшими, а за ними виднелась полянка, яркая от цветов, в пестроте которых ясно чувствовалось приближение осени.

Редко в Петербурге выпадают такие дни, когда на небе ни облачка и солнце светит ясно и ласково.

Гриша встал у самой кромки воды и замер в неподвижности. О чем он думает сейчас, в этот прекрасный полдень? Александра смотрела на его стройную, но крепкую фигурку с болью и тревогой и сердилась на себя, что не умеет никак утешить ребенка.

Вдруг появилась откуда-то стая уток и, деловито крякая, подплыла к ним. Александра достала из кармана в коляске булку, разломила, половину дала Грише, и они стали отщипывать по чуть-чуть и бросать уткам. Те выбрались на берег и стали ловить еду клювами жадно, быстро, но без суеты. Это были молодые птицы, с еще легкими перьями, невзрачные и угловатые, как все подростки. Александра один кусочек бросала сама, а другой давала маленькому Вите, чтобы тот тоже покормил уточек. Ребенок от восторга подскакивал в коляске, бросал крошку как мог далеко, хлопал в ладоши и смеялся, но себя тоже не забывал – нет-нет, да и отправит булку в рот.

– Ах, Витя, Витя, – мягко журила Александра и вытирала ему слюнки платком.

После развода из ее жизни исчезло такое понятие, как «твердая почва под ногами». Раньше гораздо проще – жена и мать, и точка. А теперь пойди пойми…

Да и не хотелось понимать, анализировать и делать выводы, а просто жить и чувствовать жизнь. Смотреть в небо, гадая, на что похожи облака, поливать цветы и пропалывать огурцы, а вечером вытягиваться на чистых простынях, чувствуя приятную ломоту в теле, оттого что хорошо потрудилась. Ощущение зыбкости, быстротечности и непредсказуемости жизни оказалось неожиданно приятным, как чувство свободного полета.

Александра даже не очень переживала, что мало пишет, зная, что время придет и она все наверстает. О ядовитых намеках свекрови на нелады в родительской семье ей удалось вполне забыть, и она общалась с отцом так же доверительно, как и всегда. Иногда только кольнет смутное чувство, но быстро исчезнет от сознания, что если что-то и было, то давным-давно прошло.

О разговоре с Мешковым она тоже почти не вспоминала и не корила себя за то, что почти согласилась снова с ним встречаться. До его возвращения еще целых два месяца, и кто знает, что произойдет в это время…

Александра не строила никаких планов в том смысле, что не возлагала надежд на грядущие события, но тем не менее будущее представлялось ей довольно-таки ясным. Безмятежная жизнь на даче, работа в саду, работа над новой книгой, очертания которой приобрели наконец четкость, а потом какая-нибудь развязка интриги с Мешковым. Может быть, он позвонит, может быть, нет. Она поговорит с ним откровенно, расскажет, что ее тревожит, или не соберется с духом для такого разговора. Все может быть, но время решений еще не пришло.

Но всегда бывает, что, когда ты видишь далеко вперед свою дорогу, она внезапно делает крутой поворот. Через несколько дней после злополучного визита к свекрови та позвонила снова и стала жаловаться, как тяжело справляться с детьми. Александра хотела вежливо напомнить, что она теперь отрезанный ломоть и проблемы семьи Стрельниковых больше не касаются ее, но потом решила, необходимо проявить сочувствие к пожилой женщине, что бы там ни было раньше.

Свекровь несколько раз повторила, что после смерти Инги они оказались в безвыходной ситуации, Виктор должен работать, а не сидеть с детьми, потому что он теперь единственный кормилец, она сама тоже работает и не может выйти на пенсию, а те родственники просто бессердечные негодяи и патологические личности, полностью открестившиеся от детей. Потом свекровь трагическим голосом произнесла: «не заставляй себя просить!», потом: «это же

дети, они ни в чем не виноваты!» и наконец: «все наши беды ничто перед страданиями детей, потерявших мать!», и Александра, только закончив разговор, с ужасом сообразила, что обещала сидеть с детьми три раза в неделю.

Александра понимала, что роль няньки пошатнет душевное равновесие, обретенное ею с таким трудом. Ухаживая за маленьким Витей, она будет тосковать по внуку, по собственным нерожденным детям и просто по тем временам, когда Катя была такой же малюткой, а она сама – молодой и счастливой. Как быть с Гришей, она и вовсе не представляла: к счастью, она не теряла родителей, и у нее никогда не было сыновей, и как найти с парнишкой общий язык, если не знаешь, что он думает и чувствует, и что ты можешь сказать ему, чтобы хоть чуть-чуть утешить.

Но взять назад опрометчиво данное обещание нельзя, и в назначенный день Александра приехала в уже знакомый дом. Он встретил ее так же неприветливо, присутствие прежней хозяйки очень отчетливо ощущалось в каждом уголке, и фотографии смотрели на нее так же укоризненно, поэтому Александра украдкой шептала: «Инга, я просто помогаю твоим детям» – всякий раз, как на нее наваливалась тоска.

Про домашнюю работу не было сказано ни слова, речь шла только о том, чтобы сидеть с детьми, но Александра нашла хозяйство в таком запущенном состоянии, что растерялась. Уборку не делали, очевидно, со дня похорон, даже снятая с зеркал кисея валялась скомканная в коридоре, а в шкафах царил просто невероятный беспорядок. Глядя на мешанину из белья, Александра невольно улыбнулась, вспомнив манеру Виктора доставать свои вещи. У нее всегда все лежало на своих местах, идеально выглаженное и в стопках, а носки, скрученные попарно, в специальных ячейках. Обычно она успевала встать раньше и подать мужу трусы, майку и носки, но если вдруг упускала этот момент, то потом горько жалела. Казалось бы, что сложного, протяни руку и возьми трусы из стопки с трусами, а майку из стопки с майками, но нет. В чем состояла логика мужа, Александра так никогда и не поняла, но после того, как он одевался самостоятельно, полки выглядели так, словно он бросил туда гранату. Приходилось тратить кучу времени, чтобы снова придать шкафу идеальный вид.

Видно, он по обыкновению все перевернул, а порядок никто не навел, Виктор удивился, но прибрать, естественно, не догадался, и с каждым днем кавардак усугублялся, потому что чем больше хаос, тем труднее найти в нем нужную

вещь.

Одно только радовало: чистоплотный Виктор бросал грязные вещи в корзину, а не обратно в шкаф, и корзина эта была уже полна с горкой. Свекровь стирала только детское, но не гладила, и ворох чистых рубашечек с ползунками напоминал кучу древних окаменелостей.

Сантехника не успела приобрести омерзительный вид, но все же чистотой уже не блистала, и Александра невольно посочувствовала, представив, какие муки испытывает бывший муж, привыкший к сияющему белизной унитазу.

Кухня тоже, как в старой рекламе моющего средства, выглядела «не идеально». Сразу становилось ясно, что относительная чистота плиты объясняется не тем, что ее мыли, а тем, что очень мало на ней готовили. Холодильник оказался полон разных любимых Виктором деликатесов: красной рыбой, маасдамом, сырокопченой колбасой и балыком, притом что домашней еды не нашлось совсем. В буфете обнаружились чай и кофе дорогих сортов, и Александра подумала, что теперь, наверное, простой хирург районной больницы Виктор Стрельников, вдовец с двумя детьми, больше не может позволить себе такое роскошное питание. Конечно, трудно ему будет переломить давнюю привычку, вздохнула Александра с сочувствием. Виктор никогда не умел экономить на себе и благодаря этому производил впечатление щедрого человека. Он рано стал хорошо зарабатывать и жил широко, исповедуя лозунг Гете, что жизнь слишком коротка, чтобы пить плохие вина. Александра несколько раз попыталась его урезонить, но всегда слышала в ответ, что гроб карманов не имеет, а раз он, Виктор, кормит семью, то за свои собственные деньги, которые в принципе грязь, не должен ни в чем иметь отказа. Впрочем, говорилось все это очень ласково, так что дальше гнуть свою скаредную линию становилось вроде как и неудобно. Незадолго до развода его дела сильно пошатнулись, Виктор подвергся уголовному преследованию за взяточничество, лишился должности, чуть не сел и после скандала смог устроиться лишь в районную больницу на должность рядового врача. С легким уколом совести Александра вспомнила, что в части раздела имущества Виктор повел себя очень благородно, оставил ей квартиру и дачу, хотя мог бы затеять тяжбу и отобрать как минимум половину. Хотя… Его статья предусматривала огромный денежный штраф, и чтобы избежать выплаты, Виктор переписал все имущество на жену, быстро с ней развелся, как они оба думали, фиктивно. Кто ж знал, что вскоре Александра узнает о его изменах и внебрачных детях! Наверное, адвокату пришлось бы изрядно попотеть, чтобы постфактум доказать право Стрельникова на

недвижимость, вот он и решил не пускаться в сомнительное предприятие, тем более что новая жена прекрасно зарабатывала и владела большим домом.

Александра вздохнула и встала посреди кухни, обозревая беспорядок и не зная, на что решиться. С одной стороны, она просто выручает бывшего мужа и не должна хозяйничать в чужом доме. С другой – в таком беспорядке находиться не очень-то приятно, а надежды на то, что Виктор уберется, нет. Ни малейшей! Все же Александра прожила с этим человеком много лет и знала, чего от него ждать. Если он вдруг и осознает горькую правду о том, что «у нищих слуг нет», то все равно никогда не поймет, как пользоваться шваброй, и не сумеет включить пылесос. Про готовку нечего даже говорить. Альбина Ростиславовна? Если бы она считала, что должна наводить порядок у сына, то давно бы это сделала.

Александра нерешительно открыла шкафчик с хозяйственными принадлежностями и достала бумажную салфетку. Конечно, можно сделать вид, что она не поняла довольно толстого намека и думает, что просьба «посидеть с детьми» обозначает именно посидеть с детьми, но не надо быть Нострадамусом, чтобы предвидеть дальнейшие события. Всему миру тут же станет известно, что бывшая жена сына лентяйка и стерва, готова проводить свои дни в свинарнике… Нет, не так! Сама устраивает свинарник и ждет, чтобы за ней прибиралась старая женщина! Да и чисто по-человечески, Альбина действительно уже немолода, Виктор в быту беспомощен, почему бы не взять на себя кое-какие заботы? Раз уж она все равно здесь? И, пользуясь хорошей погодой, Александра отправила детей во двор, а сама принялась за уборку, время от времени поглядывая в окна на Гришу с Витей, и убедилась, что старший брат хорошо смотрит за младшим.

Понемногу она втянулась и, кажется, нашла с домом общий язык… Единственное, для чего пришлось себя пересилить, это поменять на постели Виктора белье. Тут Александра долго не решалась и несколько раз отступала, прежде чем смогла притронуться к супружеской постели и снять простыни, которые еще хранили тепло трагически погибшей хозяйки.

Потом она прогулялась с детьми до рынка, купила им фруктов и домашнюю курицу у сурового на вид корейца в докторском белом халате.

Приготовила суп, ножки потушила в сметане, сварила компот, так что, когда Виктор пришел с работы, дом встретил его ослепительной чистотой и ароматами

домашней еды. В шкафу Александра навела порядок только на его полках и сказала, чтобы он попросил мать разобрать вещи Инги, потому что бывшей жене неловко это делать. Показала ему на стул, где аккуратной стопкой был уложен комплект белья на завтра, и стала прощаться. Виктор хотел обнять ее, а когда Александра уклонилась, то просто взял за руку, и тихо сказал, что она его ангел-хранитель. «Ты представить не можешь, как я благодарен тебе за все!» – воскликнул он и хотел проводить бывшую жену до электрички, но она напомнила, что нельзя оставлять детей одних.

Новые обязанности быстро стали частью ее жизни. Пришлось переехать в городскую квартиру, потому что Александра не водила машину, а каждый день добираться с дачи до Петергофа общественным транспортом было слишком трудно. Три дня в неделю очень быстро превратились в четыре, но Александра приняла эту диспозицию. Рабочий день Виктора официально заканчивался в шестнадцать часов, но он часто задерживался, приходил намного позже, но Александра и тут не возражала. Если уж помогаешь, так помогай, считала она. Виктор должен зарабатывать деньги, а врач может это делать за счет благодарных пациентов, но откуда возьмется благодарность, если он будет уделять им только оплачиваемое родиной время? Нет, чтобы заслужить конвертик, надо потрудиться чуть больше, чем в рамках ОМС, поэтому Александра с пониманием относилась к поздним возвращениям бывшего мужа. Иногда только она словно опамятовалась, изумлялась абсурдности ситуации, но быстро вспоминала про отжатую у Виктора при разводе недвижимость и соображала, что, если бы не пеклась так об интересах дочери и внуков, тогда еще потенциальных, сейчас у Виктора не было бы такой острой необходимости вкалывать.

Подружившись с домом и с тенью Инги, она теперь хозяйничала с удовольствием, осознавая, как ей после развода не хватало этого. Так спортсмен после долгого перерыва снова выходит на беговую дорожку и чувствует, как поначалу тугие мышцы начинают разогреваться и будто пенятся от радости движения.

В финансовые вопросы она не лезла, проще было, обнаружив полное отсутствие продуктов, кроме элитной гастрономии, запасы которой Виктор исправно пополнял, сбегать на рынок и купить на свои деньги. Кореец в докторском халате, кажется, полюбил ее и оставлял неплохие куски, а иногда давал приправы в подарок. Александра неплохо зарабатывала и могла себе позволить такие скромные траты, чтобы не нарушать своего душевного спокойствия

неприятными разговорами.

Прошла всего неделя, а она чувствовала себя так, будто всю жизнь была связана с этим домом и этими детьми. Не матерью, не нянькой, не бабушкой; она даже не могла бы сказать, любит ли Витю с Гришей, но они точно перестали быть для нее чужими.

– А вы теперь снова поженитесь с папой? – вдруг спросил Гриша и бросил уткам остатки хлеба.

– Нет, милый, конечно, нет!

– Правда?

Александра кивнула.

– А зачем вы тогда к нам ходите?

Она нахмурилась:

– Просто вы еще не можете оставаться одни с братом.

– Да, но вы-то почему?

– Потому что мы с твоим папой остались друзьями, а друзья должны выручать друг друга. – У Александры заломило челюсть от сознания, насколько по-учительски она это сказала, но других аргументов, чтобы убедить двенадцатилетнего ребенка, не нашлось.

– А вы меня ненавидите? – спросил вдруг Гриша, и Александра поразилась его недетскому спокойствию.

– Ну что ты, милый! Нет!

– Но вы же должны. Папа ушел от вас из-за меня.

– Нет, Гриша! – Александра старалась говорить спокойно. – Просто мы с твоим папой давно не любили друг друга, и он полюбил твою маму, вот и все. Так бывает.

– А почему тогда он не ушел к маме, когда я только родился?

Тут Витя в коляске завозился, пришлось взять его на ручки, и малыш прижался к Александре и успокоился. Александра выбрала корень потолще и присела на него.

– Знаешь, был такой писатель Фазиль Искандер, – сказала она, глядя Грише в глаза, – так вот он говорил, что все дети наделены здравым смыслом, и я думаю, что он прав. Просто потом, взрослея, мы поддаемся страхам, жадности или просто очень хотим быть счастливыми и утрачиваем его. Так что в некотором отношении не взрослей, Гриша, смотри на мир так же прямо и ясно, как сейчас ты это делаешь, но и не суди нас слишком строго. Наверное, твой папа жалел меня и думал, что я без него пропаду. Помни главное, твои родители очень хорошие люди, переживали за меня, поэтому так неладно все у нас и вышло.

– А маму вы ненавидите? – спросил Гриша.

– Нет. Тут я даже объяснять не стану, просто поверь мне, что нет. Ты, наверное, думаешь, что предаешь маму тем, что принимаешь мою заботу, так вот прошу тебя так не считать. Я никогда не думала плохо о твоей маме.

– Спасибо, – сказал Гриша.

– Я холодна с тобой, это верно, – продолжала Александра почти против своей воли, но ей вдруг показалось очень важным поделиться с ребенком своими опасениями, – но это не потому, что я к тебе плохо отношусь, а наоборот. Просто я никогда не испытывала такого горя, как ты. Я не теряла родителей и просто не знаю, что сделать, чтобы тебе стало легче. Я сейчас говорю с тобой и чувствую, будто ты взрослее и мудрее меня.

Гриша покачал головой.

– Если ты чувствуешь, что есть что-то, что тебе хоть капельку поможет, скажи мне, потому что я не угадаю.

– Нет такого.

Александра, одной рукой прижимая задремавшего Витю к себе, свободной пошарила в сумке и достала бублик. Гриша разорвал упаковку, поделил бублик пополам, и они продолжили кормить уток.

– Мне всегда казалась ужасно пошлой фраза «надо жить», – осторожно сказала Александра, не зная, можно ли быть такой откровенной. – И я никогда ее не говорила в утешение. Но потом поняла, что продолжать жить это не значит забыть, что дела не умаляют скорби, и если человек вернулся к своим занятиям, это не означает, что он больше не скорбит. Понимаешь? Ты не хочешь, чтобы боль уходила, верно?

– Не хочу.

– И она не уйдет, просто что бы ты ни делал, ты будешь думать о маме, и получится так, будто она делает это вместе с тобой. Она всегда будет рядом, я это точно знаю. Моя бабушка умерла, когда я была еще совсем маленькая, и я ее не помню, но мама так любила ее, так часто мне о ней рассказывала, что я выросла с чувством, будто ее знала. Понимаешь, о чем я?

Гриша кивнул.

– Поэтому не стесняйся говорить о маме. Со мной тебе, наверное, неловко, но с друзьями, с папой, с бабушкой и особенно с Витей, когда он немножко подрастет. У тебя есть лучший друг, кстати? Хочешь, пригласим его на целый день или даже с ночевкой?

Гриша сказал, что друг есть, но сейчас на юге.

– Ну, когда вернется, сразу давай пригласим его. Слушай, Гриша, – вдруг осенило Александру, – а может, ты хотел бы собачку или кошечку? Я в твоем возрасте только об этом и мечтала, но у мамы была аллергия, поэтому мы никого не заводили.

– Мы с мамой тоже хотели, – признался Гриша смущенно, – только она была очень занята, и дома целый день никого не было, поэтому мы боялись. Она говорила, что надо быть ответственным.

– А ты разве безответственный? Когда вы с мамой жили вдвоем, действительно опасно было кого-то заводить, но сейчас другое. С маленьким Витей всегда должен быть кто-то взрослый, который сможет накормить питомца и выпустить во двор, если что. Решай сам, милый. Если ты очень-очень хотел собаку или кошку, то давай заведем, а если не очень, то и не будем. На самый крайний вариант есть я. Я живу одна и в чрезвычайных обстоятельствах возьму твоего питомца.

– Я очень-очень хотел, – признался Гриша тихо.

– Тогда договорились. Сейчас придем домой и посмотрим в Интернете. Тебе какая порода больше нравится?

– Я хотел бы в приюте взять.

Александра кивнула и отвернулась, чтобы скрыть подступающие слезы. Разговор этот дался ей нелегко, но показать свою слабость нельзя.

– Александра, а вы кого разрешите, собаку или кошку?

– Не называй меня так, – улыбнулась она. – Холодное имя, не люблю. А поступим мы давай так: пойдем в приют, и на кого у тебя сердце укажет, того и возьмем.

Она подумала, что надо срочно найти достойный доверия приют, где животных лечат и делают прививки, прежде чем раздавать людям.

– А как вас называть?

Александра улыбнулась:

– Если хочешь, называй меня Сандра.

– Но это же английское имя.

– Ну да. Но так меня называли, когда я училась в школе, тогда иностранные имена казались нам очень романтичными, и теперь мне было бы приятно, чтобы ты звал меня так снова. Если хочешь, конечно. Можешь просто Саня или Саша, но Сандра, конечно, лучше.

– А меня мама звала Грегори.

– Здорово! Но я, наверное, не буду тебя так называть.

– Да, – сказал Гриша, – не надо.

* * *

Изящно увернувшись от машины «Скорой помощи», торопящейся доставить пациента в приемный покой, Соня затормозила у входа в больницу и спрыгнула с велосипеда. Вгляделась в витринное стекло, чтобы понять, кто из охранников сегодня дежурит: одни позволяли ей закатывать велик к себе на пост, а другие нет, и приходилось оставлять транспортное средство на улице, сиротски пристегнутым к низкому заборчику. Сегодня, кажется, не повезло.

На крыльцо вышла ее наставница, доктор Лариса Васильевна, с сигаретой, по-мужски зажатой в зубах, прикурила и глубоко затянулась, мечтательно жмурясь под лучами утреннего солнца.

– Как дежурство? – спросила Соня и оглянулась, не идет ли кто-то из администрации, кто мог бы прижучить Ларису Васильевну за курение.

Наставница скрипнула зубами:

– Господи, люди! Соня, какие свиньи! Я уже даже возмущаться не могу, одно сплошное изумление!

– Все выгораете? – улыбнулась Соня.

– Ну а то! Врачи выгорали-выгорали, да не выгоревывали.

– Выгоревали.

– Не выгорели никак, короче! Но народ – это что-то фантастическое стало, доложу я тебе. Картина идеального мира определяется в двух наречиях: «бесплатно» и «принудительно», причем первое мне, а второе – всем остальным. И каждый божий день рекорд идиотизма для закрытых помещений оказывается побит!

Соня сочувственно покачала головой и с некоторой завистью посмотрела, как Лариса Васильевна затягивается сигаретой. Иногда ей тоже хотелось начать курить, отчасти чтобы иметь под рукой способ успокоить нервы, отчасти – чуть больше соответствовать стереотипному образу опытного хирурга. Она быстро пристегнула велосипед к забору и обратилась к Ларисе Васильевне:

– Так что было-то?

– Сначала приперся ребенок с амбулаторного приема. Детский хирург направил вскрыть абсцесс. Как положено, предупредил, чтобы мамаша не кормила и не поила. И она, конечно, не кормила и не поила, только дала ребенку стаканчик молочка. Господи, Соня! От поликлиники до приемника тридцать метров пустынной дороги! Две минуты ходьбы! Где она ухитрилась достать молоко? Почему надо было это делать?

Лариса Васильевна картинно развела руками.

– Так логично все, – улыбнулась Соня. – Молоко, с одной стороны, это не еда, а с другой стороны и не вода, значит, не питье. Формально требования соблюдены.

– Это да, а представь, я бы не переспросила, посчитала, что мать выполнила указания врача, ребенку дали бы наркоз, и он захлебнулся выпитым молоком. Виноваты оказались бы все, кроме мамаши.

– Должна быть презумпция неадекватности, – усмехнулась Соня.

– Совершенно верно! Только я с ребенком разобралась, как притащили ножевое. Мужик пьянющий, не успел лечь на стол, разругался с анестезиологом просто в хлам. В итоге вскочил со стола, завернулся в простыню и стал бегать по всей

операционной, как Понтий Пилат. Анестезиолог тоже обиделся, в итоге оба разошлись по углам, надулись, сидят, а я бегаю между ними «мирись-мирись»! В голове дурака, увы, очень мало ресурса для того, чтобы он на фоне критической ситуации был способен мыслить здраво и слушаться умных людей. Чуть промедлишь, и включается психопатическая логика, которую ты уже ничем не прошибешь. Но что делать, оперировать-то надо, время дорого, ждать, пока мужик истечет кровью и отрубится, как-то не хотелось. Еле-еле уломала…

– Обоих? – улыбнулась Соня.

– Ага. Пока оперировали, в приемнике толпа собралась со всякой фигней, с которой, естественно, надо в два часа ночи являться в приемник. Не лохи же они, в самом деле, обращаться в поликлинику! У кого две недели палец нарывает, у кого трофические язвы тридцать лет. И все говорят одно и то же, прямо лингвистический набор пациента: «думал, что пройдет», «вы давали клятву Гиппократа» и «вы последний день здесь работаете»! Других разумных слов я ни от кого из них добиться не могла. Не стала уж им говорить, что я уже сорок лет последний день здесь работаю.

Лариса Васильевна энергично похлопала себя по карманам и достала новую сигарету.

– Слушай, притаранила «Скорая» бабку с диабетической стопой. Бабка ни але, но такая симпатичная, улыбается, вся на позитиве. Прямо захотелось мне помочь ей, несмотря на родственников-дебилов. А те глубокой ночью изучали Интернет, выяснили, что от диабета бывает гангрена, и немедленно вызвали «Скорую», чтобы уточнить, так это или нет. «Скорая» не смогла дать им однозначного ответа и привезла бабку на консультацию. Тяга к знаниям оказалась такой мощной, что четвертый этаж без лифта их совершенно не смутил. Ну я думаю, раз была проведена столь титаническая работа по транспортировке бабушки, мой врачебный долг отнестись к ней внимательно. Даже госпитализацию предложила, каюсь.

– Лариса Васильевна, – вздохнула Соня, – вы же знаете, какая сейчас острая ситуация с местами. Восемь коек сократили.

– Ну так я и каюсь. К счастью, родственники отказались, ну не в этом суть. Я расписываю лечение, дочка пытается развести меня на полноценную лекцию о

диабете, но это еще полбеды, главное, у бабки есть муж, который как бы в разуме и в силе. И вот он навис надо мной грозной тенью и орет. Я говорю, надо поддерживать уровень глюкозы крови, и он сразу гавкает: «Так поддерживайте! Лечите!» Ладно, пропускаю мимо ушей, говорю: «Хорошо бы назначить ангиопротекторы», он кулаком по столу хрясь: «Назначайте!!!» На дворе глубокая ночь. В окно светит зловещая луна. В итоге я не выдержала и говорю: «Слушайте, а почему вы меня допрашиваете, как гестаповец партизана?» Так он даже ни на секунду не смутился, говорит: «А с вами только так и надо! Пока вас не заставишь, вы пальцем о палец не ударите!»

– Вот скотина!

Лариса Васильевна нахмурилась и покачала головой:

– Нет, я, конечно, понимаю, что бабка никому не нужна, адекватного лечения добиться сложно и из-за организационных проблем, да и просто потому, что нет такого лечения, чтобы старушка стала снова молодой и здоровой. Родственники ее любят и морально истощаются от невозможности помочь, но с другой стороны, хочется спросить деда, знает ли история примеры, когда партизаны радостно вываливали гестаповцам всю информацию? Наоборот, они держались до последнего и часто не открывали своих тайн даже под пытками. В общем, мне после дедовских наездов реально захотелось назначить какой-нибудь банальный трентал, и до свидания, чем сидеть схемы расписывать. Из положения «мордой об стол» помощь оказывать тяжеловато. Но возможно, потому что бабку жалко.

Соня сочувственно улыбнулась:

– Гуманизм, Лариса Васильевна, сейчас последнее топливо, на котором колымага нашего здравоохранения еще как-то едет.

Собеседница фыркнула, от чего ее лицо на миг исчезло в клубах сигаретного дыма.

– А мне ближе другая аллегория. Рядовой врач стоит над пропастью между организацией здравоохранения и ожиданиями населения, и пропасть эта становится с каждым днем все шире и шире, так что настал момент, когда врач висит на шпагате, как натянутая струна, цепляясь за края лишь ногтевыми

фалангами первых пальцев ног. Еще миллиметр – и все. Врач летит в пропасть, а берега в изумлении смотрят друг на друга. Ладно, понесло старую дуру брюзжать, а самого главного-то я тебе не рассказала. Короче, только я немного раскидала, поднялась к себе и прилегла на диван, как звонят из приемника, мол, спускайтесь. А что случилось, не говорят. Ползу вниз, представляю себе всякие ужасы, а там всего-навсего охранник из бара «Советский». Опять Бобров там бухал и забыл истории. Целую пачку. Три килограмма медицинской тайны.

– Ого! – Соня даже поежилась от мысли, что могло бы быть, не окажись охранник таким сознательным.

– К счастью, Бобров у нас патриот, пьет только в «Советском», и персонал знает, что с ним делать. Бездыханное тело в такси, медицинскую документацию в приемник. Видишь, Соня, как оно бывает: заходишь в бар, вроде разливуха разливухой, и Бобров сидит алкаш алкашом. А копнуть поглубже, так неравнодушный самоотверженный врач, гуманист, который каждую секунду размышляет о своих пациентах, так что даже с историями не расстается.

Соня вздохнула. Объемы «писанины» в последние годы росли, как головы у Лернейской гидры, а в условиях дефицита кадров и возрастающей нагрузки на каждого специалиста доктора просто не успевали заполнять истории и карточки в рабочее время. Приходилось или сидеть на работе на два-три часа дольше, или забирать бумаги на дом. Так что история с Бобровым была, конечно, не очень красивой, но и не сверхъестественной.

– Может, он просто хотел творить в богемной обстановке, как великие писатели, – улыбнулась Соня. – Как Хемингуэй в Париже. Пиши пьяным, редактируй трезвым. И увлекся.

– Ну бар «Советский» все же не Париж.

– Да и Бобров не Хемингуэй.

– Тут поспорю. Пьет он, во всяком случае, не хуже, и тоже гений в своей области. Я тебя знаю, Соня, ты никому не скажешь, но с ним поговори, пожалуйста. К тебе он скорее прислушается.

Соня обещала неохотно: перспектива отчитывать доктора с втрое большим опытом работы пугала. Бобров, конечно, сильно провинился и должен хотя бы выслушать ее увещевания, но с другой стороны… Даже в мертвецки пьяном состоянии Бобров понимает, что в условиях дикого дефицита кадров никто ни при каких обстоятельствах не уволит прекрасного травматолога, перекрывающего две с половиной ставки. Бояться ему нечего, терять, в общем-то, тоже, вполне может послать Соню куда-то подальше.

Помолчали. До начала рабочего дня оставалось еще несколько минут, и можно было насладиться солнечным утром последнего дня лета. Ночная прохлада еще не отступила, но солнце начало припекать, и чувствовалось, что день будет жарким. Рыжевато-желтые стволы корабельных сосен живописно смотрелись на фоне корпусов из красного кирпича, а выше, в кронах протяжно кричали чайки.

– Вообще, пора валить, – сказала Лариса Васильевна. – А то «последний день здесь работаете» реально настанет и не так, как я того хочу. Оглянуться не успею, как окажусь на доске «помним, гордимся».

Она с улыбкой качнула головой в сторону холла, где действительно висела большая доска с фотографиями покойных докторов.

– Нет, Лариса Васильевна, пожалуйста, останьтесь! – взмолилась Соня.

Собеседница грустно улыбнулась. Сухонькая старушка с коротко стриженными седыми волосами, которые она никогда не красила, Лариса Васильевна выглядела на все свои семьдесят восемь лет, но за работой это было совсем незаметно. Она работала так быстро и азартно, что все невольно воспринимали ее как ровесницу. «Наверное, возраст зависит не от прожитых лет, а от событий и поступков, – подумала Соня. – Лариса работает, как молодая, и не стареет, ну а я… Я до сих пор папина и мамина дочка, поэтому никогда не повзрослею».

– Слушай, а оруженосец смерти уже вышел? – спросила Лариса Васильевна.

Соня покачала головой:

– Я ему еще два дня дала. Пусть немного придет в себя после такого удара. И, Лариса Васильевна, прошу вас, наверное, не надо его пока так называть. Все же человек жену похоронил…

– А, да, точно, точно! – Старушка размашисто перекрестилась рукой с зажатой между пальцами горящей сигаретой. – Прости господи. Все, Сонечка, не буду.

Тут Лариса Васильевна увидела торопящегося на службу рентгенолога и погналась за ним – обсудить ночные снимки. Специалисты по лучевой диагностике ночами не дежурили, хирургам самим приходилось читать рентгенограммы, и какие-то нюансы могли от них ускользнуть. С другой стороны, рентгенолог, не знающий клинической картины, мог на что-то не обратить внимания, поэтому в сложных случаях лучше всего смотреть совместно. Кто-то пренебрегал этим, а Лариса Васильевна – никогда. «Дай бог мне сохранить такой боевой задор в ее возрасте, – подумала Соня, – потому что своей семьи у меня, наверное, никогда не будет».

Она поднялась в отделение и, увидев, что санитарка моет коридор, остановилась в нерешительности. Невозможно пройти по мокрому линолеуму, не оставляя следов, но надо попасть на рабочее место.

Соня встала на цыпочки и аккуратно пошла по самому краешку, стараясь ступать на сухие участки.

– Простите, Наташа, все время я вам топчу, – сказала она, минуя санитарку.

– Ничего, сейчас дам в руки швабру, сами мыть будете, – рассмеялась та.

«Что делать, – подумала Соня, ускоряя шаг. – Грубый человек, грубые шутки. А если по справедливости, за такую зарплату она меня вообще имеет право отборным матом крыть».

Сестры отчитались за смену, и Соня осталась в ординаторской одна. Доктор Литвинов хоть на пять минут, но обязательно опаздывал, кажется, это был для него вопрос принципа, а Стрельников, прозванный оруженосцем смерти, был отпущен по семейным обстоятельствам. Официальные дни уже истекли, но Соня дала ему еще время примириться с потерей жены и как-то наладить жизнь. Она думала, что без Виктора Викторовича будет тяжело, но сейчас вдруг с удивлением поняла, что не очень ждет его возвращения на службу.

* * *

Александра развешивала во дворе белье, когда к калитке подъехала на велосипеде полная женщина средних лет, просигналила звонком и, поймав взгляд Александры, энергично замахала рукой.

Вежливо кивнув в ответ, Александра повесила простыню, в надежде, что женщина поедет дальше, но та продолжала стоять.

Забор мог быть и повыше, а так ничего не оставалось, кроме как взять под мышку пустой таз и подойти к калитке.

– Вы новая прислуга? – спросила женщина бесцеремонно.

– Нет, скорее родственница, – опешила Александра.

– По Ингиной линии или по хозяину?

– По хозяину. Простите…

Александра хотела сказать, что сильно занята, но тут подошел Гриша, сказал: «Здравствуйте, Маргарита Николаевна», и пришлось открыть калитку.

Женщина вошла, таща за собой шлейф резких цветочных духов. Александра никогда не стала бы пользоваться такими, особенно для велопрогулки, впрочем, так ярко краситься и надевать бархатный спортивный костюм со стразами она тоже не стала бы.

– Ты мой бедненький, сиротка, как ты справляешься! – Женщина вдруг притянула к себе Гришу, вдавила в свой пышный бюст и долго не хотела отпускать. – Держись, деточка! А где мой сладкий малыш?

Александра не успела спросить, кого, собственно, гостья имеет в виду, как та откинула Гришу и уверенно направилась в дом.

Через секунду Маргарита уже сидела за столом в кухне, а Александра быстро открывала окна, не желая, чтобы дом пропитался запахом вульгарной

парфюмерии.

– Такое несчастье, боже мой! – сказала женщина скорее с интересом, чем со скорбью в голосе, и сложила бантиком ярко накрашенные губы. – А убийцу-то нашли уже?

– Простите, я не знаю.

– Ну дело-то хоть движется?

– Не знаю, – повторила Александра.

– Такое горе, такое горе! Покойница-то уж больно хорошая женщина была! А вы сами были с ней знакомы?

Александра покачала головой.

– Ну да, раз вы с мужниной стороны… Инги-то родня с тех пор, как она этот дом унаследовала, с ней знаться не хотела. Они требовали, чтобы она дом продала и деньги между всеми поделила, а я думаю, раз по завещанию отошло, так с какой стати? И нечего было злиться, я бы так и сказала любому родственнику, если бы они только здесь появились. Я прямо горой за нее готова была стоять!

Александра заметила, что Гриша нерешительно стоит на пороге кухни, видно, ему не хотелось общаться с Маргаритой, но и пренебречь долгом хозяина он тоже не решался. Сообразив, что до сих пор держит под мышкой таз, Александра быстро протянула его Грише и приказала отнести в сарай.

– Смотрю, вы тут кое-что поменяли, – сказала Маргарита.

– Неумышленно.

– Ну, я тут все вдоль и поперек знаю.

– Откуда?

– Ой! – Гостья засмеялась раскатисто и визгливо. – Я ж не представилась! Прямо анекдот! Я у Инги помощницей по хозяйству была.

– Да?

– Ага! Вот пришла узнать, может, опять меня возьмете? Уж больно Инга была хорошая женщина! Добрая такая, и ко мне как к подруге относилась, секретами делилась… Я в этом доме прямо душой отдыхала!

Маргарита сделала эффектную паузу, видимо, ожидая, что хозяйка сейчас начнет выспрашивать про Ингины секреты. Александра молча стояла возле окна. Может, действительно взять помощницу? Но по деньгам она не потянет, а с Виктором поднимать финансовый вопрос неудобно.

– А почему вы к Виктору Викторовичу не обратитесь?

– Так он ничего обо мне не знает!

– Как такое возможно?

– Я всегда приходила, когда он на работе, это такое условие у Инги было, чтобы муж думал, будто она сама все успевает. Хотя как он не догадался, прямо не знаю, если она уходила вместе с ним, а возвращалась позже, все ж при такой должности была!

– А я вот не удивлена, – улыбнулась Александра.

– По мне, так это глупо было, но хозяин-барин, а теперь мне даже не с кого за работу получить из-за того, что Инга идеальную жену из себя строила. Так что, будете меня нанимать? Я недорого беру, а работаю хорошо и быстро.

Александра покачала головой. Бесцеремонная Маргарита совсем ей не понравилась, иметь с ней дело не хотелось, даже если забыть про деньги.

– А может, все-таки подумаете? Дом большой, в нем трое мужиков по сути…

– Простите, но я не могу принимать такие решения, не посоветовавшись с хозяином. – По привычке она едва не сказала «с мужем». – И не думаю, что он согласится, поэтому не стану вас обнадеживать. Но если что, сразу дам вам знать.

– Ну ладно. Так, может, хоть заплатите, что покойница должна? Понятно, что у меня расписки нет, но даром работать тоже никому не охота.

Маргарита взглянула так, что стало ясно – без денег она отсюда не уйдет.

– Конечно. – Александра взяла сумку. – Сколько вам причитается?

– Я брала всего по тысяче в день, считайте, по-дружески. За десять дней Инга осталась должна, царствие ей небесное.

Столько наличных у Александры при себе не нашлось, и она открыла сбербанк-онлайн, перевела деньги Маргарите по номеру телефона, надеясь, что гостья немедленно после этого уйдет. Гриша в любую минуту мог вернуться в кухню, а новая порция фальшивых соболезнований была ему совершенно не нужна. Возможно, гостья лжет, не производит она впечатления женщины, готовой работать в долг, но как теперь проверить?

– Такая женщина душевная была, – произнесла Маргарита со слезой, не трогаясь с места, – и такая молодая… Давайте, что ли, помянем?

– Одиннадцать утра, какое помянем?

– А мы чайком! Покойница-то знала толк в хорошем чае. Знаете, мы с ней любили зеленый пить…

Александра распахнула буфет и достала пачку:

– Этот?

– Да, этот! Уж до чего вкусный!

– Возьмите! Берите-берите! – Александра поставила чай перед носом Маргариты. – Вот кофе, правда, открытый, но очень хороший сорт, возьмите.

– Ой, ну что вы…

Александра заглянула в секцию буфета, где хранился алкоголь, и наудачу выдернула какую-то бутылку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-voronova/uhozhu-ot-tebya-zamuzh

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить